

Статьи
**НА ПАЛЬМОВЫХ
ЛИСТЬЯХ**

*Классическая
та.м.льоская
африка*

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1979

Составление, подстрочный перевод,
предисловие и комментарий
А. М. Дубянского

Перевод

Анатолия Наймана

Ответственный редактор

С. Д. Серебряный

**Стихи на пальмовых листьях. Классическая та-
милская лирика. Пер. А. Наймана. Предисл. и ком-
мент. А. Дубянского. М., Главная редакция восточ-
ной литературы издательства «Наука», 1979.**

94 с.

В этой небольшой антологии представлена самая ранняя поэтиче-
ская традиция на юге Индии (I—III вв. н. э.), являющаяся неотъемле-
мой и значительной частью древнеиндийской культуры в целом. Клас-
сическая тамилская поэзия обладает самобытными эстетическими до-
стоинствами, ярко отображает жизнь Южной Индии в первых столе-
тиях нашей эры.

70404-227

С 013(02)-79 — 202-79. 4703000000

И (Инд.)

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1979.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В многообразном, богатом и сложном мире древнеиндийской литературы значительное место принадлежит поэзии на тамилском языке, который по своему культурному значению является важнейшим представителем дравидской языковой семьи. Языки этой семьи (их сейчас насчитывается около 25) встречаются на территории всей Индии, но самые значительные из них — тамилский, малайлам, телугу и каннара, обладающие письменностью и давней литературной традицией, распространены на юге.

В настоящее время почти никто не сомневается в том, что дравидские языки не являются языками аборигенного индийского населения и пришли в Индию извне. Многие исследователи настойчиво связывают их с древними шумерским и эламским языками. Другие — с урало-алтайскими или тюркскими, но окончательного разрешения вопроса о генезисе дравидской языковой семьи еще не получил. Еще более сложен вопрос о происхождении самих дравидов, поскольку дравиды, даже современные, являют собой картину чрезвычайно смешанную и даже запуганную в антропологическом, этническом и культурном отношениях.

Кажется вероятным, что значительную роль в этногенезе дравидов и становлении их культуры сыграли народы, связанные с древней цивилизацией в долине Инда, цивилизацией Мохенджо-Даро и Хараппы (4—3-е тысячелетия до н. э.). Одним из ее достижений было создание письменности, до сих пор не расшифрованной, но, как полагают, принадлежавшей языку дравидской структуры. Вследствие различных причин — природных катастроф, нашествия племен ариев и т. д. — эта цивилизация породила ряд миграционных потоков, направившихся — по морю или по суше — к индийскому югу. Здесь-то в результате длительного взаимодействия пришельцев и аборигенного населения, относительно обыкновенно к австралийскому этническому типу, возникла обширная культурная область, которая в старых тамилских текстах называется «тамизахам», «страна тамил».

На ее территории, имевшей границами с востока, запада и юга океан, а с севера — горы Бенгада, уже в середине I-го тысячелетия до н. э. существовали три знаменитых тамилских царства: Чера, располгавшееся на западном побережье Южной Индии (на территории современного штата Керала), Чола — владевшее землями на востоке, по берегам реки Кавери и севернее, и Пандья — на юге. Все три царства были богаты, имели широкий выход к морю, обладали крупными портами, развивали мореплавание и торговлю. Процветали также земледелие, скотоводство, охота, рыболовство — занятия различных племен, населявших Южную Индию.

Происхождение трех царских династий связано, видимо, с выхождением ряда племен (или групп племен), родовая аристократия которых смогла распространить свое влияние на значительные пространства. Это влияние заключалось прежде всего в утверждении военного превосходства над соседями и в возможности взимать с

них дань или контрибуцию. Право реального владения их землями интересовало предводителей победоносных племен меньше, и, вероятно, поэтому, несмотря на постоянные междоусобные войны, битвы и походы, каких-либо крупных переделов земель между тремя тамильскими царствами, насколько нам известно, не происходило.

Вообще политическая история юга Индии в древности известна нам плохо, и процесс становления трех тамильских царств, развития государственности от нас в значительной мере скрыт. Можно, однако, предположить, что этот процесс происходил под воздействием индийского севера; во всяком случае, в IV—III вв. до н. э. идея сильной царской власти, образ чакравартина, царя — властелина мира (развитие этого образа особенно связано с ростом империи Маурьев, без всякого сомнения, ограничилось на соответствующих представлениях южноиндийских правителей).

Распространение североиндийской культуры на юге во второй половине I-го тысячелетия до н. э. было, по-видимому, довольно значительным. До V в. до н. э. изменяемые санскритские источники никаких сведений о юге не содержат. Пожалуй, первым определенным упоминанием юга можно считать имя Чолов в санскритском грамматическом трактате Катьяны (предположительно IV в. до н. э.). Далее, в III в. до н. э. в эдиктах североиндийского императора Ашоки из династии Маурьев упоминаются уже пять южных государств: Чола, Пандья, Сатьяпутра, Кералапутра (Чера) и Тампарани (Цейлон). Интерес Ашоки к югу объясняется его стремлением к повсеместной пропаганде буддизма, приверженцем которого он являлся. Его миссионеры, буддийские монахи — бхикшу, путешествуя по тамильской земле или — через нее — двигаясь на Цейлон, еще больше способствовали взаимодельствию севера и юга и оказывали значительное влияние на жизнь, культуру и образ мыслей южан.

В III в. до н. э. на юге Индии появилась письменность — алфавит брахми, использовавшийся джайнскими или теми же буддийскими монахами для составления надписей на камнях и стенах пещер, где они главным образом жили¹. Язык надписей, как теперь выяснено, — тамильский с примесью лексик из праkritов, индоарийских языков, на которых была создана основная каноническая литература буддистов и джайнов. Южноиндийское письмо брахми, постепенно модифицируясь, вероятно, уже к I в. обрело форму, которой пользуется и современный тамильский язык.

Примерно этим же временем датируются наиболее ранние из дошедших до нас текстов, относящиеся к первой известной нам на юге Индии литературной традиции — поэзии на тамильском языке. Мы не располагаем достоверными сведениями о том, когда зародилась эта традиция, как она развивалась, но к началу нашей эры она, безусловно, вполне оформилась. Последующие три столетия были временем ее расцвета, о чем свидетельствуют дошедшие до нас стихотворения, собранные по двум собраниям: «Этуттохей» («Восьмь антологий», содержащих короткие стихотворения в 103 до 782 строк). Составление и оформление этих собраний происходило, видимо, в значительном более позднее время, примерно с VII в., когда живая поэзия

¹ Этот тип письменности зафиксирован также в дарственных надписях различных правителей.

тическая традиция давно прекратила свое существование. Что же касается самих стихотворений, то принадлежность большей их части к периоду с I до III в. сомнений не вызывает и подтверждается тем, что создаваемая ими картина жизни индийского юга весьма близко соответствует данным археологических раскопок, эпиграфики, сообщений греко-римских путешественников и географов: Страбона (I в. до н. э.), Плиния (I в.), Птолея (II в.), а также автора «Перилла Эритрейского моря» (I в.).

Существует легенда, которая связывает развитие тамильской поэзии с так называемой сангой, поэтическим обществом, процветавшим под покровительством царей династии Пандья. Это общество, в состав которого входили знатоки и любители изящной словесности, поэты, мудрецы, придворная знать и сами цари, обсуждало и оценивало поэтические произведения, занималось составлением антологий, разработкой правил сочинения стихов. Согласно легенде, первая санга, просуществовавшая 4440 лет, в состав которой входили боги Шива, Муруган и Куоера, находилась в старом Мадурани (Мадуре), столице пандийского царства, поглощенной океаном. Ей наследовала санга в городе Кападапураме, который через 3700 лет также скрылся под водой. Наконец, третья санга, возраст которой исчислялся в 1880 лет, находилась в северном Мадурани, т. е. в том Мадурани, который действительно был столицей Пандьев и существует в настоящее время.

Появление в легенде Мадурани во всяком случае оправданно: город всегда считался центром тамильской культуры и образованности. Мадурани диалект лег в основу тамильского литературного языка, так называемого «сендамиж». Но вот существовала ли в действительности санга (речь может идти, конечно, лишь о третьей), нам достоверно неизвестно. Легенда, кратко изложенная здесь, впервые встречается довольно поздно, в VIII—IX вв., в комментарии Нарккира к тамильскому поэтическому трактату «Ахапоруль», а поэзия I—III вв., традиционно именуемая «поэзией санги», никаких сведений о поэтическом обществе не содержит. Более того, хотя ей и присущ определенный аристократизм, содержание ее и общий дух никак не вяжутся с атмосферой высокопоставленной и замкнутой придворной акалемии и, напротив, сильно связаны с жизнью пестрого и противоречивого древнетамильского общества.

В то же время поразительное единство дошедших до нас поэтических текстов с точки зрения языка, стили, поэтики, зрелость традиции, наличие в ее распоряжении поэтической теории² как будто предполагают период специального культивирования поэзии, определенной редакторской работы над текстами — возможно, в преде-

² Трактат «Толькаппиям» («О древней поэзии») — первый известный нам образец тамильской филологической науки. Он посвящен грамматике, причём третья его часть, «Поруладихарам» («О содержании поэтических произведений»), касается «грамматики поэзии», т. е. поэтики. «Толькаппиям» датируется по-разному, в пределах от V в. до н. э. до V в. н. э., но «Поруладихарам» — видимо, более поздняя часть и принадлежит к IV—V вв. В ней классифицируются содержание поэтических произведений, описываются некоторые принципы поэтики и поэтические приемы, а также содержание иложение тамильской метрики, весьма интересной и совершенно своеобразной.

правило, к низшим слоям населения. Песни их можно было слышать при дворах царей и в военных станах, во время обрядов и праздников, на полях во время работы, на улицах и в домах городов и селений. Поводы могли быть разные, но содержание песен тяготело к двум главным сферам жизни древнетамильской обществу — военно-героической и семейно-любовой. Этими сферами традиционно определяется и основное содержание всей древнетамильской поэзии, а также ее классификация: поэзия пурам и поэзия ахам⁵.

* * * *

Поэзия пурам, поэзии, так сказать, гражданская, запечатлела героический идеал древнетамильского общества, и особенно сословия воинов (так называемых «сандор» — «длостойные, или благородные, воины»), из которых набралась царская дружина. Наиболее яркие выразителями этого идеала были, конечно, сами цари, вожделению которых и посвящена большая часть поэзии пурам. Таким образом, это поэзия по преимуществу панегрическая.

Воспевая того или иного правителя, поэты зачастую обращаются к нему по имени, могут упоминать те или иные обстоятельства его жизни или выделять какие-то присущие ему качества, но в основе создаваемой ими фигуры всегда лежит обобщенный стандартный образ идеального героя-правителя, образ по существу своему эпический. Чтение стихов в самом деле убеждает нас в том, что цари выглядят в них подобными персонажам героического эпоса — могучими, гневными, победоносными воинами. Однако при этом они лишены одного очень важного эпического измерения — действия. Их фигуры статичны, их подвиги и деяния называются, описываются, восхваляются, но не разворачиваются перед нами. Описание в панегриках полностью преобладает над рассказом⁶.

Чрезвычайно существенным моментом древнетамильской панегрической поэзии является тема взаимоотношений покровителя (царя или князя) и поэта. Взаимоотношения эти покоятся на древнем и характерном для рода-племени общества представлении о царе как носителе особой энергии, обеспечивающей благосостояние государства и подданных. Энергией этой обладают помимо царя и агрибуты или символы его власти: царский зонг, барабан, охранное де-

⁵ «Пурам» — букв. «внешнее», «ахам» — «внутреннее».

⁶ Существует точка зрения, выдвинутая К. Кайласатхи в книге «Тамильская героическая поэзия» (К. Kailasathu. Tamil Heroic Poetry. L., 1968), согласно которой стихи пурам представляют собой традицию героического эпоса (наподобие древнегреческого). По ряду обстоятельств, в том числе только что упомянутому, такое рассмотрение тамильской поэзии, с нашей точки зрения, невозможно. Несмотря на наличие у древних тамиллов героического идеала, эпическая традиция у них оказалась неразвитой (вполне вероятно, что одной из причин этого явился своеобразный характер их военной деятельности, о чем было сказано выше). Интересно попутно заметить, что в санскритской поэзии дело обстояло как раз наоборот: существовала мощная эпическая традиция («Махабхарата», «Рамаяна»), но героический панегрик был развит относительно слабо.

лах общества, подобного санге. Однако, как уже было сказано, до-стоверных сведений о таком обществе у нас, в сущности, нет³.

Довольно сложным представляется также вопрос о создателях «эпосных санги». Традиционно эта поэзия считается авторской, в том смысле, что оба упомянутых сборника содержат имена 473 поэтов, которые являются авторами или которым приписывается создание части дошедших до нас стихотворений и поэм (102 стихотворения автора не имеют). Имена, например, Капилара, Накхирара, Паравара, позгесты Аувеяр весьма знамениты, и об их носителях известно немало как из самих стихов, так и из различных легенд. Но подавляющее большинство имен является, собственно говоря, прозвищами, составленными с учетом какой-то физической особенности человека (Перунгалей Саттанар — «Большешоловый Саттанар», Аюор Мудаванар — «Хромой из Аюора»), его происхождения (Алаттур Кижар — «Выходец из Алаттура»), профессии (Мадурар Куттанар — «Танцор из Мадуран»), его религиозной, общинной принадлежности и т. п.

Интересным и нередким случаем является прозвище на основе встречающихся в стихах ярких фраз, метафор или сравнений, например: Аниладу Мундрилар — «Тот, [кому] принадлежат слова:] двор, где играют белки», или: Кангуль Веллагтар — «Тот, [кто ска- зал] о потоке ночной тьмы».

Если судить по именам, представленным в сборниках, то социальный состав поэтов окажется поразительно пестрым: среди них есть земледельцы, ремесленники, купцы, чиновники, жрецы-брахманы и даже цари. Но являются ли они авторами стихов или стихи эти им приписаны, сказать трудно, особенно если учесть, что индигиальное начало выражено в поэзии сборников, конечно, слабо. Вопрос этот, во всяком случае, требует дальнейших исследований, а пока необходимо отметить другое — то, что стилистика и поэтика самих стихов в значительной мере обязана своим происхождением традиции устного песенно-поэтического творчества. Носителями этой традиции были певцы, музыканты, танцоры⁴, принадлежавшие, как

³ В V в. в Мадурай существовала так называемая «санга Вадж-рананди», джайнский орден, с которым отдельные исследователи связывают древний этап в развитии тамильской словесности, но определенные доказательства в пользу этого предположения опять-таки нет.

⁴ Основными группами профессиональных певцов были следующие: панары — музыканты и певцы, игравшие на йале, старинном тамильском струнном инструменте; порунары — поэты, первоначально, видимо, обязанные ободять воинов во время похода («порунар» — букв. «воин»); вирали — женщины-певцы, танцовщицы и музыкантши, часто — жены панаров; куттары — танцоры и музыканты.

Еще следует упомянуть ахавунаров (от «ахаву» — «звать, кричать») — поэтов-прорицателей, гадалелей, чье поэтическое творчество, явилось, видимо, одним из источников древнетамильской поэзии (во всяком случае, один из наиболее распространённых в ней размеров называется «ахаваль»).

С другой стороны, существовали поэты высокого социального статуса — пулавары, т. е. ученые и проповедники, постоянно находившиеся вблизи царя или князя.

рево⁷. Их потеря, сдача врагу или осквернение равносильны поражению царя в битве, означают утерю им сакральной энергии и ведут к его гибели⁸.

С другой стороны, победа царя многократно усиливала его энергию, а сами битвы, несомненно, являлись ее демонстрацией — откуда и происходит отношение к войне и полю битвы как к вешам сакральным, что находил, между прочим, свое выражение в понимании битвы как жертвоприношения⁹.

Ясно, что и роль поэта, восхваляющего царя и различные проявления его энергии, была исполнена глубокого сакрального смысла. Не приходится говорить о том, что эта роль, по крайней мере в своих истоках, была не проявлением частной поэтической инициативы, но, напротив, своего рода социальной обязанностью определенной категории певцов. И царь, прекрасно зная и понимая это¹⁰, в свою очередь, считал обязательной для себя роль щедрого покровителя и благодетеля. Таким образом, в обиход взаимоотношений царя и поэта входили, с одной стороны, исполнение поэтом хвалебных пений, а с другой стороны, щедрое угощение царем поэта и его родичей, награждение их дорожными украшениями, колесницами, иногда слонами. Так разыгрывалось это небольшое действо, которое, возможно, было еще символическим выражением связи царя с его землей, его подданными. Во всяком случае, сакральный характер его кажется несомненным, и это подтверждается еще и тем, что точно в таких же формах на юге Индии происходило почитание божества и общение с ним (в этой книге см., например, поэму «Тирумуругатруппадей» из собрания «Паттупаattu»).

7 «Охранным» считалось особо выделявшееся дерево (либо роща деревьев), которое как бы хранило в себе мощь, безопасность и благосостояние царя.

Сокрушение такого дерева врагом символизировало поражение и гибель царя, а какое-либо незначительное действие в связи с ним (например, привязывание к нему слона) — нанесение оскорбления.

У каждого царя или князя были растения — символы его власти (не вполне ясно, можно ли их отождествлять с «охранными»). Так, у царей Черы это было эбеновое дерево, у Чолов — пальмира, у Паллиев — мартоза. Из цветов этих растений делались гирлянды, которые были неотъемлемым знаком представителя той или иной династии.

Заметим попутно, что ношение цветочных гирлянд вообще было весьма распространенным обычаем на юге. Даже во время военных действий воины носили гирлянды, причем интересно, что определенными цветами обозначались различные стадии похода или маневры (битва, окружение, осада и т. д.).

8 Существовал древний обычай, согласно которому царь, потерпевший поражение, садился на землю лицом к северу и, откашляясь, принимал пищу, находившаяся в таком положении, пока не умирал.

9 Фангасамгорические картины-символы такого жертвоприношения даны, например, в стихотворении 26 из антологии «Пуранануру» (собрание «Этуттохей»), в поэме «Мадураникканджи» (собрание «Паттупаattu»).

10 Понимание царем сакральности фигуры поэта прекрасно показано в стихотворении 50 из антологии «Пуранануру».

При знакомстве с панегирической поэзией антологий и поэм изложенные выше соображения следует учитывать, но в то же время нельзя забывать о том, что перед нами поэзия, достигшая значительной зрелости.

Поэты стремятся к решению чисто поэтических задач, к поискам более тонких, непрямолинейных панегирических приемов. При этом насыщенность поэтических форм сакральным содержанием уменьшается, а некоторые черты панегирического обихода приобретают характер поэтической условности.

Одной из таких условностей является, например, своеобразная жанровая форма, весьма характерная для поэзии пурам, — «аттруппадей» («наставление на путь», «указание пути»). Своим происхождением она обязана практике странствующих поэтов, поскольку подразумевает ситуацию встречи двух поэтов, во время которой один из них направляет другого к тому или иному покровителю и при этом восхваляет его богатство и щедрость. В основе структуры каждого такого стихотворения лежит простая словесная формула: «Если пойдешь (к тому-то) и восхвалишь его, то получишь (то-то и то-то)». Дальнейшее наращивание поэтического материала вокруг этой формулы, панегирического и описательного, зависит от выбора и желания поэта. Так, оказывается очень естественным и удобным, направляя поэта к какому-нибудь царю или князю, указать путь в его владения и таким образом описать его богатые и процветающие земли. Размер поэтического произведения в этом случае может колебаться от десятка строк («Пуранануру» № 105) до больших поэм в несколько сот строк из антологии «Паттупаattu»: «Порунатруппадей» («Наставление на путь порунара» поэта Мулаттама Канияра, 248 строк), «Сирупанатруппадей» («Малое наставление на путь панара» поэта Иданкажи Натты Наллу Нататтанара, 269 строк), «Перумбанатруппадей» («Большое наставление на путь панара» поэта Кадиялтура Уруттирананнара, 500 строк), «Малейпадукам» (или «Куттаратруппадей») поэта Иранья Муттаттыперундурра Перунгаусиканара («Аромат гор» или «Наставление на путь порунара», 583 строки). Назовем здесь и другие антологий и поэмы, относящиеся к разряду пурам: «Пуранануру» («400 стихотворений пурам» — величиной от 4 до 40 строк), «Падитраппаattu» («Десять десятков» — стихотворения — их сохранилось 86 — размером от 8 до 50 строк, посвященные царям династии Черы, — из «Этуттохей»); поэмы «Мадураникканджи» («Благой совет в Мадурани» поэта Мангуди Маруданара, 782 строки), «Паттинипалаей» («Песнь о городе и о разлуке легкой порой» поэта Кадиялтура Уруттирананнара, 301 строка), «Недунальвадай»

11 Вообще для древнетамильской поэзии количество строк в стихотворении — обстоятельство, не затрагивающее его содержательной сути. Эта суть может быть выражена одной-двумя фразами, а далее увеличение объема стихотворения идет за счет описаний. Весьма характерно, что термин, который употребляется в древности для обозначения поэтического произведения («патту» — букв. «песня»), относится к любому стихотворению независимо от его размеров. Таким образом, мы употребляем здесь термины «стихотворение» и «поэма» условно, сообразуясь с более привычными нам представлениями.

(«Долгий и благостный северный ветер» поэта Мадураикканаккая-нара Маханара Наккирара, 187 строк)¹² — из собрания «Паттупатту».

* * *
Если поэзия пурам имеет дело со сферой, как мы говорили, «внешней», так сказать, общественной деятельности древних тамил-лов, то поэзия ахам, если вспомнить буквально значение этого слова, подразумевает сферу жизни внутренней. Последнее нередко понимается как описание и выражение внутренних душевных движений, сердечных чувств. Такое понимание древнетамильской любовной поэзии возможно, но оно, несомненно, односторонне и даже вторично, поскольку лирическая струя, присутствующая в ней, она-руживает себя здесь в строгих рамках определенных канонов и представлений, связанных с системой брачно-родственных отношений древнетамильского общества. Таким образом, внутренне, ахам, есть прежде всего не что иное, как довольно замкнутая сфера этих отношений, некий семейный микрокосм, в известном смысле противопоставленный внешнему миру. В центре этого микрокосма находится фигура женщины.

Такое положение совершенно не случайно и восходит к архаичному, культивировавшемуся тамилами представлению об эротической в своей основе сакральной женской энергии, связанной с такими важными понятиями, как плодородие, огонь домашнего очага, приготовление пищи. Эта энергия — благо, источник процветания, жизнеспособности семьи и ее членов, однако, вырвавшись из-под контроля, она может стать опасной и разрушительной. Обладание этой энергией и умение распорядиться ею определяют основное достоинство героини, ее добродетель, которая рассматривается как своеобразная ценность — не только внутри семьи, но и на более общем социальном уровне¹³. Все это объясняет некоторые особенности древнетамильской системы семейных взаимосвязей: центральное положение женщины внутри этой системы (о чем мы уже сказали); преобладание так называемого кроссродственного брака (женитьба на дочери брата матери), который позволяет удерживать женщину внутри замкнутой семейной ячейки; высокая степень ритуализованности отношений между мужчиной и женщиной (иначе говоря, эти отношения развиваются в определенных, принятых обществом формах, которые мы можем условно назвать древнетамильским любовным канонам¹⁴).

Знание этого канона, впитанного и отраженного любовной поэзией, в свою очередь, помогает понять такие ее особенности, как

¹² Последние две поэмы имеют сложный характер, поскольку включают в себя элементы поэзии ахам. Однако тема пурам в них преобладает: одна из них посвящена восхвалению царя Чола Карикалана и его столицы, города Каверинипаттинама, а другая — пандического царя Недунджежиана (хотя имя его в поэме отсутствует).

¹³ В древнетамильской поэме «Повесть о браслете» говорится, например, о том, что женщина, обладающая добродетелью, способна вызвать дождь для своего селения.

¹⁴ В поэзии антологий и поэм преобладает тема супружеской любви. Что же касается любви добрачной, то она понимается в значительной мере как предпосылка к свершению брака.

сосредоточенность на семейно-брачных отношениях, отсутствие личностного начала, дробление любовной темы на ряд стандартных ситуаций, определенный набор героев и их ролей.

Роли эти раскрываются через характерную поэтическую форму монолога того или иного героя, обращенного к слушателю — другому герою, а в некоторых случаях и к своему сердцу или объектам природы (это могут быть растения, животные, луна или море). Помимо любовной пары, главных героев (совершенно лишенных индивидуальных черт и даже безымянных), которые, довольно редко обращаются непосредственно друг к другу, поэтические высказывания принадлежат подруге героини, ее приемной матери (т. е. кормилице-служанке), родной матери, другу героя, панару (поэту, исполняющему роль посредника между влюбленными), гетере и в отдельных случаях колесничному героя, стороннему наблюдателю, прохожему.

Обращает на себя внимание полное отсутствие в числе «действующих лиц» родственников героя и мужчин — родственников героини (хотя ее отец иногда упоминается в стихах как сила, удерживающая героиню внутри дома и препятствующая развитию ее любви). По нашему предположению, это объясняется не только тем, что «точкой отсчета» в поэзии ахам всегда является женщина, но и тем еще, что основная коллизия периода добрачных взаимоотношений героев — это отсутствие каких бы то ни было родственных связей между ними. Иначе говоря, поэзия здесь отражает драматический момент преодоления традиции кроссродственного брака¹⁵. С этим, возможно, связано и то обстоятельство, что добрачный период любовных взаимоотношений героев был периодом любви тайной.

Молодые люди впервые встречаются обычно за пределами селения — в лесу, горах или на берегу моря. Оба поражены любовью с первого взгляда и посвящают в свои чувства наперсников: герою — друга, героиня — подругу. Друг сначала отговаривает героя от продолжения романа, но, видя его непреклонность, устраивает влюбленным второе свидание на прежнем месте. После этого происходит со сцены, и дальнейшее развитие событий, в частности определение места и времени встречи, направляется подругой. Она играет роль советчицы, утешительницы героини и осуществляет последние шаги между ней и молодым человеком. Их тайные свидания и любовное соединение происходят теперь ночью и становятся все более затруднительными и редкими. Героиня начинает испытывать темный цвет, покрывается золотистым «цветом разлуки». Родные, обеспокоенные ее состоянием, желая открыть причину ее недуга, приглашают проригатея, жреца или жрицу древнетамильского бога Муругана. Теперь подруга может наемкнуть жрецу и родителям героини на то, что этой причиной является не болезнь, а

¹⁵ Своеобразной иллюстрацией этому служит, как мы полагаем, стихотворение № 40 из антологии «Курунтохей»:

Моя мать и твоя мать — какая родня?

Что общего с моим отцом у твоего отца?

Знал ли я тебя и ты меня?

Как красная земля и дождевая вода,

Смешались, любви исполняясь, наши сердца.

любовная страсть. Тогда же, обращаясь к герою, подруга намекает на невозможность дальнейших тайных встреч, описывает плачевное состояние героини и таким образом предлагает ему вести дело к женитьбе, тем более что тайная связь влюбленных уже становится достоянием распространяющихся по селению слухов.

Перед женитьбой герой отправляется на добывание «богатства», иначе говоря, выкупа за невесту, который даст возможность получить одобрение родителей героини. Другим способом получить согласие, а точнее, даже принудить их к признанию брака является совместный побег героев из селения и пребывание их какое-то время в дикой, полной опасностей местности. Такой побег, вероятно, носил еще и ритуальный характер, знаменуя собой период совместного испытания героев перед вступлением в новую жизненную фазу.

В случае если родители не давали согласия на брак, герой мог прибегнуть к довольно странному и грубому обряду «езды на пальмировом коне». «Конем» служила ветвь пальмировой пальмы с повешенными на ней бубенцами и кусками материи. Юношу, садившегося верхом на эту ветвь, друзья проносили мимо дома родителей и героини, в то время как он, в разорванных одеждах, стенаниями и плачем пытался вызвать у них сочувствие к себе. Считалось, что если он не добивался желаемого, то ему следовало покончить с собой¹⁶.

Простой древнетамильский обряд бракосочетания делал акцент на мотивах процветания и плодородия и символизировал введение сакральной женской энергии в рамки добродетельной семейной жизни¹⁷. Однако примечательно то, что он не является ситуативным элементом поэзии ахам. Вообщем момент счастливого семейного каменения героев, выражающий смысл и цель всего любовного камена, абсолютный идеал любовной поэзии, сам по себе лежит в основном за пределами этой поэзии. Стихотворения, непосредственно описывающие этот идеал, есть, но содержание значительного их большинства связано с разнообразными препятствиями на пути к его осуществлению — трудностями тайных встреч, расставаниями, разлуками, размовлками.

В супружеской жизни героев разлуки происходят, когда герой покидает дом, отправляясь опять-таки за «богатством» или в военный поход, что, как правило, совпадает. Перед уходом герой некоторое время колеблется, не решается оставить супругу в одиночестве, но затем все же уходит, обещая вернуться к сезону дождей¹⁸.

¹⁶ Обычай «езды на пальмировом коне» упоминается в стихотворениях антологий не часто, поскольку он явно не соответствует идеалу счастливой, гармоничной любви, культивировавшемуся поэтической традицией.

¹⁷ Этот обряд хорошо описан в стихотворении № 86 из антологии «Аханануру» (собрание «Этуттохей»). Кроме того в антологии «Калиттохей» (там же) описывается свадебный обряд в пастушеском племени, который сопровождался соревнованием юношей в укрощении быка.

¹⁸ Кое-где говорится о том, что герой уходит, «коснувшись лба и волос героини». Этот жест не случаен — ведь герой удаляется от супруги — носительницы энергии, способствующей его благополучию и безопасности. Касаясь на прощание ее тела, он как бы уносит с собой часть этой благой энергии — такова символика данного жеста.

Оставшись одна, героиня вступает в особое состояние, которое мы можем назвать обетом разлуки: она прекращает ухаживать за своими волосами, заплетает их в косу, снимает украшения, не покидает пределов дома, воздерживается от активной хозяйственной деятельности, постоянно думает о муже и, разумеется, блюдет целомудрие. В это время она, как и в период тайной любви, хуеет, красота ее блекнет, тело покрывается золотистым «цветом разлуки», глаза льют слезы. Особенно усиливаются ее страдания, когда приходит сезон дождей, а супруга все еще нет.

Пережитые здесь признаки разлуки, являясь выражением внутренних переживаний, в то же время имеют несомненный ритуальный характер. Поведение героини, символизирующее опасность, которой во время разлуки подвергается ее супруг, она сама и благоточие семьи в целом, имеет целью сохранение и накопление ее сакральной энергии, являющейся основой этого благополучия. Отсюда и происходят такие характеристики поведения, как строгость, воздержание, пассивность — одним словом, все то, что препятствует расхождению этой энергии.

Поведение героя более просто и носит, так сказать, подчиненный характер: он думает о супруге, беспокоится за нее, спешит к ней. Когда происходит их встреча, героиня вновь распускает волосы, влетает в них цветы, тело ее обретает блудю, а точнее, обновленную красоту. Так, мотивами обновления, возрождения к жизни завершается этот своеобразный домашний ритуал разлуки.

Еще одна ситуация, связанная с супружеской жизнью, — размовлка в связи с уходом героя к гетере. В древнетамильском обществе гетеры играли значительную роль — например, в развитии всякого рода искусств. Дело, однако, не только в этом. Можно предположить, что герой чаще всего отправляется к гетере, когда его жена пребывает в нежном состоянии — во время месячных, после родов — и соединение с ней невозможно. В этом случае гетера могла выступать в качестве своеобразного социального балансира, работавшего в конечном счете на сохранение семейной гармонии. Более того, в тамильском обществе гетера нередко была приближена к семье, исполняла домашнюю работу, ухаживала за хозяйном дома, принимала участие в воспитании детей — это, по-видимому, следует рассматривать уже как одну из форм многоженства.

Как бы то ни было, уход супруга к гетере порождал в героине чувства обиды, ревности, соперничества. Однако все это, очевидно, не затрагивало серьезно основы семейных отношений, хотя служило поводом для ссоры. Интересно, что именно в этой ситуации находится место юмору, порой сарказму.

Описанные выше идеи и представления древних тамиллов составляют своеобразный фон, понимание которого помогает понять их поэзию, а сам любовный канон можно рассматривать как световой рода сценарий, известный и поэтам и слушателям, предусматривающий ряд мизансцен, в которых может быть произнесена речь того или иного героя. Театральная терминология покажется еще более уместной, если обратить внимание на то, что высказывания героев несут в себе отчетливые признаки диалогичности. Почти каждое лирическое стихотворение построено согласно формуле, которая предполагает общение — ответное действие или высказывание. В принципе каждому стихотворению можно подобрать парное, состоящее с ним в отношении диалога. Все это дает основание предположить,

что истоки поэзии ахам могут лежать в сфере каких-либо действий, скорее всего народных — праздничных, игровых или обрядовых, но, к сожалению, мы пока не располагаем материалами, которые могли бы окончательно подтвердить такую точку зрения.

Театральная аналогия может быть продолжена, если мы обратимся, далее, к одной из примечательных особенностей древнеиндийской любовной поэзии, до сих пор нами не затронутой, — системе тем-тиней. Ее суть заключается в том, что любовный поэтический канон предстает в виде пяти основных ситуаций, закономерно сочетаемых с элементами, так сказать, декорационными, т. е. местом и временем действия, под которыми понимается определенная местность (ландшафт) со своими флорой, фауной, населением, взятая в определенное время года и в определенное время суток. Темой-тиней, собственно, и называется ситуация в ее единстве с соответствующим окружением.

Система пяти тем-тиней¹⁹ может быть представлена в своих основных чертах в виде схемы, приведенной на с. 15.

Эта система, своеобразный продукт древнеиндийской поэтической традиции, не представляет собой в поэзии что-то совершенно застывшее: есть много примеров отступления от нее, служаев так называемого «смещения тиней». Но в основных своих связях она все же выдерживается. Было бы интересно выяснить, каковы ее происхождение и развитие, но этот вопрос требует специального рассмотрения²⁰, а мы ограничимся лишь замечанием о том, что окружение играет в стихах гораздо большую, нежели просто декорационную, роль и что связь его с ситуациями любовного канона носит закономерный характер. Возьмем, к примеру, такую важную тему, как палей — ситуация разлуки. Тема эта подразумевает ряд событий: разлуку влюбленных в период тайной любви, совместный их побег, колебания героя перед расставанием с супругой, страдания героини в разлуке. Если мы выйдем в суть этих действий и рассмотрим их в общем смысле как отход, отрыв от норм, как прохождение через некую кризисную ситуацию, через испытание — перед вступлением в новую жизненную фазу (как в ритуале разлуки, описанном выше). И этому как нельзя лучше соответствует картина (реально наблюдаемая героями или воображаемая) безлюдной и бесплодной, пораженной засухой местности, сопряженной с опасностью, страданиям, гибелью. При этом надо заметить, что местность палей и таковая, не существует и представляет собой местности муллей и куриньджи, утратившие свой благой облик в период легкой жары

¹⁹ Существуют еще две темы-тиней, выпадающие из схемы, потому что они, во-первых, лишены какого-либо природного окружения и, во-вторых, не соответствуют идеалу равной и счастливой любви: кайкхилей (неразделенная, односторонняя любовь) и перунгиней (чувство, переходящее границы нормы, всякого рода эксцессы). К последней теме относится, например, обряд «езды на пальмировом коне».

²⁰ См. более подробно об этом статью: А. М. Дубянский. О мифопоэтических началах древнеиндийского поэтического канона. — Литература и культура древней и средневековой Индии. Сборник статей. М., 1979.

Тема-тиней	Местность (ландшафт)	Время суток	Население	Ситуация	
1. Куриньджи	Порные леса	Муруган	Холодные	Ночь	Порные охотники Любовь с первого взгляда, тайные встречи
2. Муллей	Холмы, леса, пастбища	Тирумаль (Вишну)	Начало сезона дождей	Вечер	Пастухи Терпеливое ожидание мужа, обряд разлуки
3. Нейдаль	Морское побережье	Варуна	Сезон непредсказимости	Вечер	Рыбаки Страдания в разлуке
4. Марудам	Плодородные долины рек	Индра	Лето	Утро	Земледельцы Супружеская разлука
5. Палей	Пустынная местность	Коттавей (богиня войны)	Лето	Полдень	Кахвары (племя грабителей) Разлука

(т. е. отступившие от нормы — перед возвращением к ней с началом сезона дождей).

Таким образом, природное окружение может играть весьма активную роль в выявлении основного смысла ситуации, а вернее, раскрывая этот смысл в ярких природных образах и картинах: леса муллей, бурно расцветшие в сезон дождей, символизируют целомудрые героини и предвсхлищают расцвет и обновление ее красоты; горные леса курирьджи наполнены духом Муругана — божества горных племен, — который покровительствовал влюбленным; плодородные земли марудам оттеняют ту сторону семейной жизни, что так же связана с плодородием (чадордием) — в противоположность пурой, бесплодной связи героя с гетерой (для образности поэзии марудам характерно уподобление, явное или скрытое, героини сахарному тростнику, а гетеры — лотосу: красоту, но бесплозному). Что же касается нейдаль, то эта тема-тиней представляется нам несколько эклектичной, соединяя в себе ситуативные элементы курирьджи, муллей, палей.

Поэзия ахам сосредоточена в антологиях: «Аханануру» («400 стихов ахам», от 13 до 31 строки), «Наттиней» («Благие тиней», 401 стихотворение, от 9 до 12 строк), «Курунтохей» («Сборник коротких стихотворений», 402 стихотворения, от 4 до 8 строк), «Аинурудуру» («500 коротких стихотворений», от 3 до 5 строк), «Калитохей» («Сборник стихов, написанных размером кали», от 11 до 80 строк) — из собрания «Этуттохей»; из собрания «Паттупатту» к этой поэзии принадлежат поэмы «Курирьджипатту» к теме курирьджи» Кабилара, 261 строка), «Муллейпатту» («Песнь на тему муллей» Нануданара, 103 строки); поэмы «Паттинапалай» и «Недунальвадей»², о которых уже говорилось выше, имеют, так сказать, двойную принадлежность (к ахам и пурам).

Геронко-панегирические и любовные темы определяют основное содержание поэзии антологий и поэм, но его не исчерпывают. «Поэзия санги» содержит еще два произведения, до сих пор не упомянутых: антологию «Парипадаль» — 33 стихотворения, написанные размером «парипадаль» (от 32 до 140 строк) и поэму «Тирумуругаттрупалай» Наккирара («Наставление на путь к Муругу», 317 строк). Это — образцы ранней тамильской религиозной гимновой поэзии.

«Парипадаль» содержит гимны, посвященные Тирумало (Вишну), Муругану и реке Вайхей (на которой расположен Мадуран)^{2а}.

² Сменьшие элементов ахам и пурам — явление в стихах редкое, причем один из элементов всегда носит подчиненный характер; образы и приемы поэзии пурам используются, чтобы усилить те или иные идеи поэзии любовной (см. «Аханануру» 93), с другой стороны, форма стихотворения ахам может скрывать элементы панегирика (как в «Аханануру» 65) или же быть фактически панегириком. Так, в основе поэмы «Паттинапалай» лежит типичная ситуация палей: герой говорит супруге, что не сможет ее покинуть, даже если получит в дар такой богатый город, как столица царя Чола Карикалана — порт Каверипуппаттам, хвалебному описанию которого по существу и посвящена поэма.

^{2а} Поклонение рекам, источникам — один из характерных моментов религиозной жизни тамиллов.

Поэма Наккирара, перевод которой дается в этой книге, восхваляет Муругана.

Куль Муругана (или Муругу), очень древний на юге Индии, имеет довольно сложный характер и являет собой наслоние нескольких культов и представлений. В нем можно выделить по крайней мере три слоя: во-первых, обожествление производительных сил природы, энергии жизни («муругу» означает «молодость», «красота», «аромат», что вызывает в памяти картину расцветшего с приходом дождей, зеленющего после засушливой жары леса); во-вторых, Муруган — бог войны и охоты у некоторых племен (в первую очередь кураваров, горных охотников); в-третьих, Муруган — это бог войны Сканды (Субраманья, Картиккя, Кумара), сын Шивы, и, как таковой, он включается в общендийскую шивантскую традицию, в мифологию индуизма.

Поэма, приписываемая Наккирару, дает почувствовать сложный характер Муругана и подчеркивает его, если говорить общенно, двойной статус — местного божества и одного из богов индуистко-пантеона. Прекрасно показаны в ней формы экстагического богочтения, присущие культуре Муругана: женские песни и пляски, шаманские танцы («вериядаль» — танец испугления, безумия), кровавые жертвоприношения. В этих формах выражается дух непосредственной, чувственной любви к божеству, тот дух, который пронизывает и более позднюю (VI—XII вв.) религиозную поэзию тамиллов (шивантскую и вишнуйскую), называемую поэзией бхакти (слово «бхакти» подразумевает эмоциональное соединение с богом). Поэме «Тирумуругаттрупалай» считается на юге одной из поэм в русле бхакти и включается в один из «Двенадцати священных сборников» шивантской гимновой лирики².

Традиция древнетамильской лирики, возникшая как будто внезапно незадолго до нашей эры, так же внезапно и прервалась к IV в. Об этом веке, называемом обычно «темным», нам известно очень мало. Затем, в V в. картина духовной жизни Южной Индии, если судить по дошедшей до нас литературе, оказывается значительно измененной: идеалы и ценности «поэзии санги» явно устаревают, на первое место выходят идеи буддистов и джайнов, активнее всего в это время возрастает. Однако вскоре они терпят поражение в борьбе с индуизмом, порождающим мощную традицию религиозно-гимновой поэзии (уже упомянутой), которая начиная с VI в. становится на юге Индии доминирующей.

Все упомянутые религии в своих литературных проявлениях в той или иной степени заимствуют и переосмысливают некоторые идеи, образы, формы ранней тамильской традиции, однако сама она прекращает свое живое существование, забывается, но все же трудями безвестных переписчиков неприметно передается из поколения в поколение. Лишь в конце XIX в. с ростом национального самосознания тамиллов у них возникает интерес и к своему древнейшему прошлому. Усилиями некоторых энтузиастов тамильской культуры

² Традиция рассматривает эту поэму как произведение раннее, созданное в начале «эпохи санги», однако, скорее всего, она лежит за ее пределами, в VI или VII в. Окончательного решения вопроса о ее датировке пока нет.

ПУРАНАНУРУ

№ 312

Сына родив, взрастить его — мой долг,
 Благородным воиню сделать — долг отца,
 Копье выковать и вручить — долг кузнеца,
 Прорцетанье благой страны — царев долг,
 В трудном сраженье блещущий меч иступить,
 Словом сокрушать, полем битвы идти — война долг.

№ 22

О ты, дающий защиту военному лагерю,
 Который раскинулся вольно, не зная другой защиты;
 В котором бушует, как воды моря,
 Неистовый куравей — танец воинов гневных,
 Простоволосах, увешанных листьями пальмы пальмировой,
 Украшенных золотом и боевыми гирилами;
 В котором разносятся на просторе
 Шум цепов, молотящих рис,
 И возрастает всевозможное изобилье,
 Как на поляне, где происходит праздник,
 Под навесом из ровных стеблей сахарного тростника,
 Крытых колышущимися рядами красного риса;
 В котором мирно спят не имеющие мечей
 Под сенью украшенного гирилами белого твоего зонта,
 Подобного полной луне, обитающей в небе,
 От века чистой, льющей потоки лучей;
 В котором стоит, привязан к столбу,
 Молодой слон, громадный и сильный,
 С хоботом плавным и величественной походкой,
 С высокими бивнями, на которых качаются колокольцы,
 С яростными глазами во лбу полумесяцевидном,
 Глазкостопый, толстошей, большеноловый,
 Источающий из раны в затылке сукровицу,

(в первую очередь У. В. Сваминатхаияра и Дамодарама Пиллаи) Рукописи древнетамильской поэзии были обнаружены, отредактированы и опубликованы. Так произошло второе рождение этой поэзии, в результате которого она заняла свое место в общей картине древнеиндийской литературы.

В настоящее время «поэзии сангит» посвящается немало исследований и в Индии, и за ее пределами, но до сих пор в ней много неясного и даже загадочного. Одним из самых важных вопросов, связанных с ней, является вопрос о ее происхождении и связях с другими поэтическими комплексами, т. е. с санскритской поэзией и поэзией на практике — в первую очередь махараштри, на котором создана антология Халы «Гахасатгасаи» («700 строф»). Есть возможность, скажем, предполагать общность происхождения тамильской поэзии и поэзии на махараштри на почве некоей весьма ранней культурной традиции, развивавшейся на Декане. В самом деле, сходство между ними иногда поразительно, но вопрос о том, какова его природа, требует еще дальнейшего изучения.

Настоящий сборник ставит своей задачей познакомить (впервые в таком объеме) советских читателей с древнетамильской поэзией²⁴. Мы старались отобрать для перевода произведения наиболее яркие, дающие образцы характерных идей и форм и наиболее полно представляющие поэтический канон. К сожалению, в полной мере сделать это оказалось невозможно — выбор был слишком велик, но мы надеемся все же, что читатель почувствует и оценит красоту и своеобразие тех стихотворений, которые собраны здесь.

В заключение мы хотим принести благодарность г-чу Пурнаму Сомасундараму за регулярную помощь, которую он оказывал нам в работе над поэтическими текстами.

²⁴ См. также переводы А. Ибрагимова, опубликованные в кн. «Классическая поэзия Индии, Китая, Кореи, Вьетнама, Японии» (Библиотека всемирной литературы). М., 1977.

А. Дубянский

Ипускающий запах, приманку назойливых пчел,
Как хом, испускающий запах медовый.
О славный воин, владеющий вершинами Кóлли!
Ты, с подвластных царей собираемой данью
Обогащающий тех, кто предан тебе, и родичей их,
О вождь, у которого взор — как взор боевого слона!
Да богатеет без меры твоя, о великий, казна!
О царь, обладающий даром давать не скупясь
Тем, чья искусная речь воспеваает тебя,
Никому другому хвалу вознести не смел!
Услышав, что страна под защитой Мандарама Чералирумборёя
Подобна миру богов, я пришел
И увидел картину сладостную, о великий!
Армию неутомимо ведешь ты на завоеванье
Других земель, добывая своей стране пропитанье.

№ 26

Словно корабль, который рождает водоворот,
Когда он плывет над лучинной огромного моря,
Проходит слон боевой, распахивая поле битвы,
О Сэжиян, войны ведущий ужасные, ты на просторе,
На котором раскинулась битва, поднял копьё,
Заостренное блестящим лепестком, и стал пожинать
Поле битвы, чтоб стгнуло царство врагов,
И захватил, порождая молву, барабаны у них
И жертву принес на поле битвы:
Там на очаге из царских голов
Стоят сосуды с мясом и кровью, и в них
Помешивают, как ложками, обрубками рук в браслетах.
О царь с мечом, искусственным в победах,
Свершивший жертвоприношение, существующее искони,
В окруженье покорных царей и первых в чегьрех Ведах,
Тех, что сдержанностью обладают, знанием и глубоким умом, —
Страстотерпы, видно, враги твои, ибо они,
Имя «твой враги» получив,
Хоть и погибнут, жить будут в мире том.

№ 18

О потомок могучих, свою утвердивших славу
Тем, что взяли под стопу свою мир просторный,
Окруженный трехводным грохочущим океаном,

Исправили единовластно, —
Пусть огромности твоя жизнь достигнет
Вдесятеро величайшей десяти миллионов!
О царь, о владыка мощного древнего града,
Защищенного стенами, высотой грозящими небу,
И глубокими рвом с бородавчатыми сомами,
И многими тонкими, и толстыми змееголовами,
И метвидными рыбами, хватящими цветы кандджи
С веток, свисающих в воду.
Если ты хочешь владеть богатствами того мира,
Если, разбив крепкую стену в этом мире царящих,
Единодержавно властвующим быть захочешь,
Если желаешь, чтобы хвала тебе постоянно звучала,
Выслушай подходящий совет, о обладающий многим!
Кто дает иссохшему телу еду,
Тот жизнь дает.

Еда есть начало всего для комочка пищи, кони является тело.
То, что зовется пищей, — это вода в смешенье с землею.
Тот, кто соединяет воду и землю,
Тело и жизнь создает.

Сколь ни обширна была бы засеянная,
Но необходимая, ждущая ливня земля,
Это владыке, усердному даже, в деяньях его не поможет.
Так что, о Сэжиян, войны убийственные ведущий,
Поскорее расширь в низинах хранилища влаги.

Тот, кто воду удержит, удержит и славу в мире,
Кто воду с землей не свяжет, славу с миром связать
не сможет.

№ 34

Для тех, добродетели чуждых, кто вымя коровы отрезал,
Для тех, кто плод убивает во чреве прекрасных женщин,
Для тех, кто жесток и непочтителен к брахманам,
Есть искупление там, где проверяют грехи.
Но даже если земля сдвинется с места, тому,
Кто благом на благо не отвечает, спасения не найти, —
Это, о муж, изящноукрашенной, утверждается дхармой!
Если в сумерках утренних, как и в вечерних сумерках,
Стопы твои восхвалять — победные, крепкие, славные —
Не стану песней: «Пусть здравствует повенитель наш Вáлаван!
Пáнаров, у него наившихся жирного риса,

И родней их, набросившихся на жареных зайцев
И лакомившихся молоком вместе с рисом и медом
И просом целинным, схожим формой с яйцом голубиным,
В просторном месте собраний, в тени ветвистой ююбы, —
Одаривший богатствами, которые не исчезнут,
С открытой душой сказавший им желанное слово! —
То в путь восходно-закатный владыка многолучистый
Не отправится. Я же беден: в этом громадном мире
Пока существует благо — днянья людей великих,
Да проживешь ты больше лет, чем видишь капель, летящих
Ливнем из темных туч, скапливающихся в Гималаях
И над землею сладостным голосом говорящих!

№ 41

Даже смерть знает срок свой, о цари! Ты же срока не ждешь
И победные войны, где хочешь, ведешь,
Нанося поражения владыкам ощеренных копытами армий.
Метеоры с восьми сторон света срываются вниз,
Иссыхают стволы, не распутаются прутьям безлистым,
Все пронизано солнцем смертельнолучистым,
Пробирает от выкриков птичьих по коже мороз,
Зубы падают наземь, масло скатывается с волос,
С тел одежды соскальзывают, мечется ветер, потревожен,
Дорогое оружие само выпадает из ножен.
О герой, навяв затевающий битву, который
И во сне не увидишь. Обращают в смятении взоры
Беззащитные жители в дали, откуда идешь ты,
И, целуя цветочные очи своих сыновей,
Проникаются ужасом за обреченных детей,
И горе скрывают от жен. О великий вонгелъ,
Проходящее твое по стране, заслужившей столь тяжкую кару,
Разносимому ветром подобно пожару.

№ 50

Когда я прилегу на ложе, усыпанное цветами,
Бельями, словно масло, с которого сняли пахтанье,
На ложе, так приготовленное для наводящего ужас,
Алчущего крови военного барабана,
С помощью длинных ремней скрепленного безупречно,

Стоявшего в ту минуту на омовенье, чтобы снести
Грязь с боков и украсить ўжинеем золотистым
И сапфирами, яркими, как пядна хвостов павлиньих, —
Свой меч, рассекающий надвое, поднятый, чтоб уничтожить
Меня, о святости ложа не ведавшего, не опустил ты.
Этого одного довольно, чтобы узнала
О тебе вся земля благого тамильского языка,
Но ты был щедрей, подошел, и надо мной закачалась
Твоя барабаноподобная, навеяв прохладу, рука.
Не потому ль ты так поступил,
Что слышал, о повелитель могучий,
Что в мире высокою лишь те обитают,
Кто в этом мире добудет славы,
Достигающей дальних пределов державы?

№ 105

О вирали чистолобая! Прекрасные украшения
Получишь ты, если отправившись и воспоешь
Пáри, чья жизнь превосходит сладостью воды
Потоков, с высоких вершин бегущих по склонам
Между бамбуковых лестниц сборщиков меда;
Текущих в руслах своих по возделанным пашням
Независимо от того, льет иль мимо проходит ливень,
С прохладными каплями смешивающийся на темнотеплостковых
Новых цветах лилий, над которыми выюются пчелы,
Лилий, раскрывающихся в просторных водоемах.

№ 70

«О панар, с маленьким йалем, медовострунным, сладостногласным,
С барабанчиком киней на тонкой ручке, темнотемным
и светлоглазым,
Схожим по виду с на прут насаженной черенахой, в пруду
обитающей,
Одари взором приятным и отдохни здесь!» — так говорящему
Тебе, о днянья взыскующий, мудроречивый и вопрошающий,
Куда идти, — так скажу: добрая слава Кáлли Вáлавана,
Вонгелъа, чья земля производит оба вида целебного снадобья,
Где в просторных домах не кончается пища, сколько ее ни вкушай,
Как в водоемах прохладных — вода в месяц дождливый «тай».

Так вот, если пойдешь к нему,
В путь отправясь с вирали сладкоулыбчивой,
Лоб которой блистает и волосы благоухают
Бегонией, росшей в селенье Пáнна, чьи руки могучи дацаньем,
Где над кувшинками серебристыми
Жужжат летуны шестикрылые, влекомые ароматами,
Знай, что дары его — не случайность, вроде нежданных щедрот
Леса, когда дровосеки золота в чаше находят, —
Раздумывать тут не надо. Стопа его — да живет!

№ 164

Когда в очате высокою, о варке пищи забывшем,
Плесень цветет и муки голода столь сильны,
Что со сморщенной из-за того, что молока нет, кожей
Дряблую грудь пустую с закрывшимися сосками
Плача берет ребенок, глазками встретясь с глазами,
Полными слез, влажновекими, прохладными — моей жены,
Я, горе ее такое видя и вспомнив тебя,
Сюда прихожу, о Куманан, ведущий благие войны!
Если узнаешь ты о моем положении,
Не откажись от принятья даров твоих и тогда,
Когда нищету одолею, — ты ведь тоже
Из рода певцов происходишь, из тех, кто сокрушает лишения,
Кто обладает дивными барабанами и превосходным
Иалем с пучком гармоничных струн и в чехле, из кожи.

№ 175

Живи, о наш отец Аданунган!
Кто сердце мое откроет, тебя в нем увидит,
И если тебя я забуду, то мгновенье, когда забуду,
Будет мгновеньем, когда дыханье мое расстанется с телом;
Если себя забуду, тогда лишь забуду тебя,
О средоточие дхармы, тебя, кто всегда и повсюду
Благодеянием многих одаривает любя,
Словно громадный лучистый диск,
Пред тем как выйти, глядящий на мир в прорез,
Сделанный крепкощипсами колесами Маурьев,
Чьи копыя победоносны, чей зонт коснулся небес.

Презренно выпрашивать «дай»,
Но презренней на это «не дам» отвечать.
Благородно «бери» предлагать,
Еще благодарней в ответ «не возьму» восклицать.
Жажда, станет ли кто-нибудь пить
Из широкого, с чистой водой, шумноволного моря?
К роднику же проторено много дорог,
Хоть и мал он, и струи замузнены,
Оттого что коровы здесь пьют и слоны.
Кто наделся что-нибудь в дар получить от тебя,
Просчитавшись, не гневается, но винит птиц и сроки.
Так и я поступлю. Славлен будь, Ори!
Ибо щедр ты, как в небе темные облака,
Из которых льются безудержной влаги потоки.

№ 228

О гончар! О гончар!
Из селения древнего, где над печами для обжига
Дым столь обилен, что, кажется, темень сгустилась
В небе огромном, — о несчастный гончар!
Ты жалости ныне достоин! Что тебе делать, если
Начальник войск, прогнавшихся до самых границ земли,
Потомок нелживо хвалимых поэтами мудрыми
Сэжиянов, чья слава сияет вблизи и вдали,
Как встающее солнце, отбрасывающее лучи,
Владелец слонов, над которыми раскачиваются знамена, —
Великий Вáлаван
Мира богов достиг!
Урну, просторную столь, чтобы вместила такого,
Коль ты пожелал бы создать и даже использовать мог
Землю как круг гончарный и громадную гору как глину,
Разве бы из этого вышел какой-нибудь прок?

МАДУРАИККАНЪДЖИ

В окруженном ширью гремящей
Вод тройных, вздымающих волны,
Мире вольном, где к склонам горным
Соты лепятся, медом полны,
Там с небес дуют ветры вправо,
Двигнутся верным путем созвездья;
Блещут красное солнце дня
И луна серебристая ночи;
Помогает дождь земледельцам;
Прощегают все стороны света;
Всходят тысячекратно травы;
Плодоносят земля и деревья;
Боль смирив, красота сверкает;
Слоны высятся величаво,
Им легко поддерживать землю;
Непреходящую сладость глазу
Безущербное сущее дарит:
Этим миром хвалимых веками,
Управлявших вместе с благими
Их советниками, что жили
На широких, с большими домами,
Улицах, лжи не знали и были
Знамениты правдой речей, —
О великих потомок царей!

Жир слонов, нанизавших на бивни
Трупы, с губ дьяволиц стекает,
Цей неистовый танец тунагей
В пляс обрубки тел увлекает;
Здесь, на поле сраженья страшном,
В отвратительном очаге,
Сложенном из мужских голов,
Яркая, на яром огне,
Могучих царей закипает кровь;
Руки, что мужественны и крепки
Иbrasлетами блещут, чудовище-варщик
Искусный, используя как черпаки,
Из плоти вареной для воинов стойких
Готовит жертвенное угощенье; —
Лишь древний бог, могучий вонтель,
Войска сквозз такие поля сраженья
Ведущий Южанин — выше тебя,

О гор, с ручьями по склонам, властитель!
С пластинами блещущими и покрывалом
На лбу, от ярости опьянев,
С головой, источающей мускус,
Высотой горе подобный
Слой, искусный в войне, взрывает
Поле битвы, являя гнев;
Многоцветная пыль, конями
Поднятая, свет неба скрывает,
Стремителен их галоп, и колесницы,
Словно ветер, сильны и быстры,
Доблестные меченосцы победу
Добывают своими руками; —
В этой битве ты обладаешь
Мощью, достаточной для покоренья
Двух царей и правителей многих,
Мощью, одолевающей горы
С ручьями сверкающими и пустыню,
Ты — Недийона, который стране
Помог дааньем земли, отчего
Хор славословий ему столь громок,
Златогирляндного — о потомок!

Жрущей деревья, дробящей горы
Громовой молнии ты подобен!
В обнесенные рвами глубокими
Вкруг роц густых и врагами высокими
И стенами со множеством башенок,
В поливающие острыми стрелами,
Крепости неотвратимо вступающий,
Их захватом славу снискавший,
Ты, от южного мыса Кумари
До великих северных гор,
От восточного моря до западного
Всеми издревле повелевавший,
Ты — прославленных ратным трудом
Победителей — стал царем!
Волны гнутые рвущихся в небо
Вод тройных океана темного
Рассекая, суда легкоходные,
Ветром к берегу подгоняемые,
С парусами на мачтах высоких,
Сладкозвучно гремя барабанами,
Разгружают стране на потребу

Златоносную кладь огромную,
Подплывая, как тучи к горе,
К неспокойному рейду бухты, —
Этот город, как яром глубоким
Окруженный морем открытым,
Эту «Рисовую обитель»
Покорил ты, о победитель!

Громкое пенье стоящих рядами
Работников, черпающих воду;
Скрепленые связанных крепких кижаров
С движущимися один за другим ковшами,
Поля обводняющими влагой прудов;
На молотбе колокольцы быков;
Крики стай, стоняемых с нив;
Шумный куравей дев-рыбачек
На песке близ сапфирного моря —
Все в едином сливается хоре
И лепит к площадям для празднеств,
Где стада слонов и слоних
Блестящеблывневых, устрашающих
Дарились воинам барабанорукум,
И лотос златой надевался на них
Осыпавшими множеством украшений
Предводителями Кудды великой,
Тебе подчинившимися, о владыка!

Там, где хогя и прячет дожди
Небо в зной, раскаляющий камни,
Где даже если собьется с пути
Звезда рассвета, — не иссякают
Реки и уржан будут расти:
Там шелест риса, гомон жнецов,
Крики птиц и всегдашний скрип
Рыбачьих лодок, по океану,
В водах которого, пахнувших рыбой
Сырой, грызутся шумно акулы, —
Лодок, плывущих к песку лунно-белому
На берегу, где роши пандановые,
С плодами, похожими на барабаны,
Полны прохлады и дождевого гула;
Голоса торговцев сребристой солью,
Добываемой в грязевых ямах, —
Так звучит Мудувеллилей,
Урожаем тучнеющий новым,

Где малых сел великие труженики,
Богатеющие двояко,
Вместе с жителями четырех земель
Издревле твоим управляются словом, —
Слетевший как ветер, огнем погубивший
Врагов, в Аланганаме их разгромивший,
Поле битвы вспахавший, царей подчинивший,
Захвативший их барабаны, принесший
Жертву битвы, о царь, почет заслуживший!

Приближая дружественных тебе князей,
Отдалила враждебных, ныне любим ты
В Коркее, граде благом, величайшем,
Который славы своей достоин,
Где есть кварталы ловцов жемчужин
Созревших и раковин ярко блестящих,
А также улицы низких сословий,
Хмельной калы пьящих, о храбрый воин!

Сокрушающий ненавистных врагов,
Захватчиков, истязателей, едоков
Риса с кусками жирного мяса,
Деревенщин, чей груб язык,
Чьи руки пахнут рыбой сырой, —
Смиряющий парадаваров, о бык!

Труд обретенья легко свершая,
Что обрел — легко расточая,
«Остаться бы здесь!» — нигде не сказав,
Сквозь горные чащи, где воды прохладны,
В край вражеский вторгшись, крепости взяв,
В стране, которой желаешь лучшей

Доли, ты преобладаешь — о царь могучий!
В земли исконных врагов вступишь,
Защитные рощи их разорив,
По благодатным прохладным угольям
Сверкающим диким огнем ты пасешься;
Где было густо — там стало пусто;
По тропам коровьим гуляют тигры,
На месте сел — нищета разоренья,
Скромные девы с браслетами яркими
Тунангей забывают и куравей,
На полянах, где мудрецы сходились,
Бродят злобные демоницы,
Раздвоенноногие, жестокоглазые,
В селеньях — приютах богов домашних —

О ведущий убийственную войну,
Да живи! Да сгинут твои тревоги!
Да наполнится мир твоей сверкающей славой!

В необуывающе-изобильных,
Не оскудевающих жирной рисою,
И несравненным вареным рисою,
Не иссякающих крепким тодди,
Не беднеющих разную товаров,
Ослепляющих землю блеском
Драгоценностей чудо-дворцах
Вирали, словно йаль, поющим
На запястья браслеты надев;
Слоном раздав — на радость панамам
И крепости — царям союзным на радость;
На земли врага обрушив свой гнев;
Вещателям блага, в дверях толпящимся,
Труд ратный мечей с утра прославляющим,
Коней с колесницами раздарив;
Спящими цветами украшенных,
Уматенных после битвы сандалом,
Вонтелей славных к себе приближив; —
Те, осушавшие чаши тодди,
Непокорных смиравшие, чтобы покорные
Шли за ними и дань платили;
Разбивавшие станы за стенами,
Недоступными коршунам, где большеглазых
Бой барабанов слышен с зарю;
Пребывавшие в странах, каких хотели,
После войн, завершенных победно,
Правившие под гром барабанов цари,
Многоколенные, числом превозшедшие
Песок океана трехводного, темного,
Бьющего в берег, — прошли бесследно.
И поэтому так я скажу:

В западном море набрав воды,
Над восточным созреет, день пугая с ночью,
Чтоб на высях скопилась вода и в низинах,
Чтоб звенели ручьи там, где выкопан каваль,
Чтобы забыли слоны средь бамбука на круче,

У калиток, где земледельцы
Собирались, — скорбя причитают жены;
Прочтывавшие семьям чашнут и ищут
У родичей благополучных крова;
Средь развалин домов высоких
Фидин кричит и хохлатые совы;
Обильные лилиями водоемы
Заросли сорняками в рост слоновий;
Нивы, тучными вспаханые быками,
Терпят от кабанов мохнатых урон;
Пустошь стала земля врагов,
Нарушив твоё слово — закон.

Хоботоруких, громкоголосых,
Высокобивневых, мощноногих,
Сильноогневных слонов разогнав,
С войском, раскинувшимся словно море,
Во вражеский край, как Муруган, входишь,
Так что грохот летит до небес широких;
Словно ливень, сыплются стрелы;
Конница пыль взметает; звучат
Раковины, рога трубят;
Страну и славу врагов губя,
От союзников их отрезав, крепости взяв,
Побеждаешь — и следуешь твоему пути
Они, столь прогневавшие тебя.

На древнем круге земном пребывая,
Путь предков храня, путь дхармы являя,
Ведя себя так, как и должен вождь,
Возрастай, как вставший на западе месяц,
Ты и твоё победная мощь!
Как ушербная на востоке луна,
Будь сила врагов твоих истощена!
Ты верен правде, хотя бы сулила
Ложь амиту и жизнь в вышнем мире.
Хотя б обитатели вышнего мира,
И этот мир, ограниченный морем,
Грозил тебе, ты не станешь покорен.
Хотя б от Ванаана получил ты
Сокровища южной горной страны,
Не скажешь: «Пусть хоть хулят нас, хоть хвалят!»
Ибо тебе, сокровища щедро
Дающему, славословья нужны.
Что с твоей, о великий, сравнится державой?

Вверх тянувшийся имбирь рядом с перцем зеленым
И прочие злаки благие произрастают по склонам;
Стук сторожей, охраняющих просо от попугаев;
Крики жителей леса, что гонят лесных коров,
Пасущихся средь распустившегося а́варея саффирино;
Возня при убийстве матерого кабана, провалившегося
В выкопанную горлем яму, сверху прикрывающую;
Шум оттого, что девы с ветвей темновольного вёнгея
Собирают оханки благоуханных цветов;
Тигр, задирающий черного кабана; — все это вместе
С журчаньем ручьев серебристых эхо ущелий вдвойне
Делает более звучным — в горной, мрачной, чернотреблистым
Курьнджи расцветающей еще одной стороне.
Разросшийся новый бамбук острым огнем попалён;
Изнуренный, бредет в поисках пастбища слон;
Словно игру начинают шумные музыканты —
Трещат суставы бамбука, гладкость его погибает;
В лишвишихся влаги, темных, красу потерявших горах
Над подобной соломе, выгоревшей травой
Прекрасного леса западный, тязко крутящийся ветер,
Вылетев из расселин, шумит как морской прибой;
В хижинах, крытых листьями, на шкурах оленьих спящие,
В ветках, сплетенных из веток, юноши груборечивые,
Взяв лук, на дорогах проходим злую готовят встречу —
Там, где холмы пустынные в знойной лежат тишине,
В называемой палей еще одной стороне.
Жемчугом лучезарным из гремящего моря;
Браслетами, что из раковин, рассеченных клинком, нарезаны;
Дарами рыбацкого промысла и серебристой солью,
Сладко-кислой, добытой из грязевых варниц;
Рыбой, разделанной жителями прибрежных холмов песчаных
На жирные ломти, похожие на глаз барабана ту́ди; —
Всем этим груженые, ладные, испытанные корабли
Снарядив, а суда, в других снаряженные странах,
Встретив, — известная редким богатством, из рода в род
Скакунами и всеми другими благами земли
Славится сторона нёйдаль день за днем и за годом год.
Пять этих краев являют свою красоту в стране,
Где на местах открытых барабаны гремят,
Где постоянны празднества, где туангтей пляшут и кúравей,
Где средь улиц широких селения плывет аромат
И радующиеся урожаю веселые толпы шумят.
Посредине же этой благословенной страны

Над горами гремя, расплываясь по небу,
Ливнем хлынула — ливнем брехатая гуча.
И, погнав на восток вал бурлящей воды,
Стал вздуваться поток, заливая пруды,
В чьей сверкающей влаге, как в поле, где злаки
В рост слонены, вырастают колочестеблистый
Лотос огненный, вверх поднимающий листья,
Душный нёйдаль и пестрая лилия амбаль
Рядом с лилией синей, в окруженые влекомых
Ароматом цветения пчел, — и в таких водоемах,
Сладкий сон водяных куропапок прогнав,
Сквозь выюнок подираясь и черпа якую рыбу,
В ценах сведущий, с крепкоузельной сетью рыбац.
Шумно мелкую глушит средь зарослей трав;
Грохот сахарных прессов; речь выплывающих сорняки;
Стонет в грязной трясине увязнувший бык;
Понукающих, каля напившихся пахарей слышится крик;
На рисовом поле, где ярко зашел пахандрей,
Ровный гул барабана жнецов крепкорукки;
На омытом дождями прохладном холме Парангундрам
Ликование празднеств; веселье в собрании дев,
Что танцуют, венки и гириянды надев, —
Эти звуки благие к просторной легат вышине.
Там слышны крики цапель с растущих близ дома дерев,
Там уголья прохладные марудам. Так — в одной стороне:
Торчат колоски чумизы, чернеют зерна сезама,
Зреют метелки темные чернотреблистого проса,
Драгоценным камнем сверкают глубокие ямы,
В джунглях разросшихся золото выступило на поверхность,
Скачут изшиноголовые, прелестные, ясноглазые
Ангиллопы с самцами, под сенью кондрёя в цвету;
Напоминная холмы, что вкруг обрели красоту;
На каждой саффироцветной возвышенности травянистой
Яркие, Велии подобные, раскрывшиеся бутоны
Муллея и муондеса разлетаются, онадай;
Нёйдаль, водорослями оттеняемый, во влаге чистой
Прудов, как саффир, зацвел (так что красой наравне
Стали они с украшенной поляной для танца велана)
В краю лесном муллея — в другой стороне.
На месте рощ ароматных посеянный горный рис
С короткими колосками, стебли белой горчицы
В сплетении с дикорастущим белым рисом, шафран,

Вдоль берегов, на которых по склонам гор обезьяны скачут, и в чащах густых павлинны кричат,
А в рошчах, теснящихся выросшими до небес
Деревьями, ветер шумит и маршочки играют,
На песке же сребристом, движущейся водой
Выброшенном, раскинулись кущи и цветники,
И падают цветы коңгу, осыпаясь пыльюцой,
И плывут, как гирилянда, в струях благого течения,
И в блестящих черным песком затоках Вайхён-реки,—
Вдоль этих-то берегов, среди пыльных прохладных цветов,
Существуют издревле пана́ров поселенья.

Тех, кто утратил земли, подобные краю Ажумбил,
Угодья которого и богатства необозримы,
Которым владел Манавираливе́ль со сверкающим луком;
Тех, кто лишился работников по деревням плодородным,
Тех, что враждуют издревле, тех, кто пришел с оружием,
Словами владеющих мощными, воинственных тех царей,
Барабаны свои побросавших среди ратных полей,
Их, присмиривших, видели, на удаляющиеся их спины
Взирали поднебесные, со множеством башенок, стены
Над сапфирной водою рвов, уходящих в земные глубины,
И боевые ворота, умашенные маслом, черные,
Хранимые древней силой йанангу, крепкоопорные,
С проходом, движенье в котором подобно Байхее,
Под зданьем надрагтым — подобьем горной в тучах вершины,
И тянущиеся к небу дома высоты различной,
Где слышится шелест в окна влетающего ветерка,
Смешивающийся с гомоном многочисленных толп,
Текущих вдоль длинных широких улиц, словно река,
И с возгласами машагаев, ударяющих в барабаны,
Как будто на море трехводном поднялся ветер могучий,
И с громкими криками тех, кто радостно пляшет
Под звук музыкальных орудий, как плеск водоема, певучий.

На дневной и ночной базарных улицах многокрасочных
Подняты в предвкушении праздника яркие флаги;
В честь многих побед над мощными крепостями разноименными
Вздыхаются каждый день благие яркие флаги;
Армию, копиями блестящую, словно море шумящую,
Плотью поля покрывшую, слонов боевых разогнавшую,
Прославляют высь поднятые достойные мощи флаги;
В местах ликования винолицц развешаны флаги; —

Нет числа ярким стягам и на крепких древках знаменам,
Трепещущим, словно ручьи, по горным бегущие склонам.

Подобные кораблю, повалившему в водоворот
В просторе морском — вместилище рыбы паней и раковин —
Когда поднимается ветер, дырявящий паруса,
Рвущий веревки прочные, вязанные узлами,
Расцепляющий мачту, терзающий яростно якорь, —
Кружатся, яростно исполняясь под гудение раковин,
Убывая погонщиков с палками, всадников сбрасывая со спиной,
Рва тонкую крепкую цепь, крепленья столбов расшатывая,
И срываются с привязи, когда у них течка, слоны.
Поднявшие смерч, который, огромное небо затмив,
Воздух рассек, подобно стае гусей краснолапых,
Что ярколучистого солнца достичь стремятся,
Конни сверкающегривые, бег ускорая, влекут
Ветер напоминающие прекрасные колесницы.
Обученная умением поднимающих хлыст знатоков,
Конница, как на кругу, проходит аллюром ади
Так, что украшенных грив развеваются пряди.
И шаг выпивших калы воинов-пехотинцев
Воинственен и устрашающ, словно постуль слонов; —
И от движения этих неодолимых войск
Юноши браслетоногие с подносом печений сладких,
И те, в чых корзинах, похожих на голову барабана,
Цветами увитуя, сложены благоухающие цветы,
И те, чьи цветами колыхнутся растянутые гирилянды,
И те, чья пудра размолотая взлетает пыльной цветочной,
У которых каждый орешек зеленый сладостносочный
Прекрасен и связки листьев бетеля длинностеблистых,
И приготовленная сжиганием ракушек известь, —
Все эти торговцы бродячие, испугавшись за жизнь свою,
Словно попали меж двух сходящихся армий,
Пребывают в тоске, стеная и жарко дыша,
И только после прохода войск, крепко держа
Товары свои многочисленные, успокаиваются они
Близ гороподобных домов, в их прохладной тени.

Словно белые раковины темного океана,
Пряди седые сзади тяжелым узлом закрутив,
Приносят женщины мудрые, в чьей красоте нет изъяна,
Девичам прекрасным, словно изящное изваянье
Из червонного золота под лучами всходящего солнца,

Воду, землю, огонь и воздух
И огромные небеса создал
Боевым топором обладающий, первенствующий Высокий,
И когда великим богам со сверкающими телами,
С немигающими глазами, с невнятлими цветами,
Вкушающим благоуханную пищу и внушающим страх,
По обычаю нерушимому приносят высшие жертвы,
То орудия музыкальные на вечерних звучат торжествах.

Сверкающих яркочувствыми украшениями детей
Прижав к себе и обняв, дабы не потерять их,
Подобно бутонам, прячущим пыльной украшенный лотос,
Проходят матери, красой и любовью своей
Так же, как дети, сияя,
В храм, где поклоняются среди цветов и курений
Богу, прославившемуся защитой людей.

Превосходные Веды отчетливо распевающих,
Полное праведности поведение усвоивших,
Недостижимо высокими ставших
И в мире земном достигнувших высшего мира,
С сердцем, полным любви, шедших дорогою дхармы,
Великих, в высшем блаженстве пребывающих брахманов
Высятся, как гора с ходами вовнутрь, храмы.

Где аскезу свершающие поклоняются среди курений
И цветов, полных сочного, пчел влекущего меда,
Там обители тех, кто, прошлое время и будущее
Вместе с происходящим здесь глубоко изведая,
Сам на земле и на небе все стремится познать,
Кто не кичится знаньем и телом несокрушим,
Кто принял обеты строгие и хозяин чувствам своим;
Обители их благодатны: сосуд для воды узкогорлый,
Вырезанный из камня, в сетке подвешен веревочной,
Покой сияют, словно поверхность труда,
Как медь прекрасные, стены украшены изображениями
И, устремленные ввысь, быстрый смущают взор:
Удивленья достойные, благоухающие цветами,
Высятся эти обители громадой теснящихся гор.

А вот тянется улица поборовших пристрастья,
Страх, слабость, ни злобы, ни радости не испытывающих,
Подобно весам, безупречных и всеми ценных за это,
Дхарму рекущих, стражей закона, вождей совета;
Другая улица — тех, чья грудь сандалом натерта,

То гневноокип, то простодушноголазым,
С волнующим телом, темным как манго, с зубками острыми,
Прелестногоубым, с плечами как гибкий бамбук,
С браслетами яркими, словно бы льющимися с их рук,
С озором сандаловой пасты и родинками на груди,
С локонами черными, словно сурьмой облитыми, —
Этим-то девам, скромноречивым, павлиноподобным,
Чтобы они, украсив себя, руками плеча и резвясь,
С ученье забывшими юношами радовались, смеясь, —
Старухи приносят в изыщных, с множеством отделений
Шкатулочках все для того, чтоб облик любви обрести,
И цветы продают — спеша все дома обойти.

Как бы тучи ни истощали, как бы ни полнили реки
Водой океан трехводный, бьющий в сушу, гремящий,
Он от утраты — не меньше, от прибавленья — не больше,
И как в день омовенья водой, праздника день седьмой,
Торжествуя победу, шумит, когда близок закат,
Край под стать океану, — так в дворцах прославленной Кудали
На площадях широких дневные базары шумят.

Когда жар остывает лучистый, с солнцем быстрозакатным
Цветом схожие красным, ослепительные, в узорах,
Ниспадающие, изысканного шитья одеянья надев
И мечи с золотого отделки поверх пристегнув,
В крепких мчась колесницах, так что вьются полы одежд,
В пол упершись ступнею в браслетах, натертой ремнями,
В знак величия славы и превосходства над всеми
Две гирлянды, в которых сияют цветы, как сапфиры,
На украшенную ожерельями грудь возложив,

Подгоняя коней, проносящихся вихрем,
Под охраною пеших составляют в скорости с ветром
Богачи, чьи прославлены руки, как тучи, дающим щедрым;
И за дневными увеселеньями их наблюдают,
Звезна драгоценными камешками внутри золотых браслетов,
Сверкающие огнистыми нитями украшений,
Словно на землю сошедшие богини, в браслетах расписанных
Женщины, распростирающие по улице дух благовоный,
Чьи прекрасные лица в блеске ярких серег,
Как на древках высоких полощущиеся знамена,
Подобно волнам морским, когда ветер могуч,
В рядами стоящих домах, с любого балкона
То показываются, то скрываются, словно луна из-за туч.

Свершающих жертвоприношения, носящих одежды яркие, Видящих зло и добро, изучивших их, зло отвергших, Подобно великим, живущим на беспредельном небе, Верных любви и дхарме, охраняющих добродетель, Избегающих поношения, над всякой худолою властных; Снискавших почет чинowników-кавиди беспристрастных; Третья — не отступающих в поведенье от пути дхармы, Живущих в подобных скленью тесному гор, С коршунами, довольными тем, что сидят так высоко, Славных домах, изобильных пищею и богатством, Кушлов жемчуга, золота и камней драгоценных, В воде, в земле, в горах и повсюду добытых, Торговцев товарами разными из стран знаменитых; Четвертая — цвет собрания в Могуре Пажейяновой, Цей от пролитья дождей урожайю постоянен, подобных Явлению правдивозыского кобсара, дивноликих, Советников четырех разрядов великих. Резчики раковин, драгоценных камней гранильщики, Украшения злата, одежды продавцы, Оценщики меди на вес, вязальщики поясов, Знаатоки благовоных курений и благоуханных цветов, Изображающие подобию разного рода событий, Взором проникновенным постигающие тонкость явлений, Художники, зреньем искусные, вместе держась; И то растлалющие, то складывающие кусок за куском подряд Длинные и короткие ткани свои ослепительные, Словно волнами светлыми приносимый песок, Бедные и богатые ремесленники, толпясь; — На четырех этих улицах бок о бок стоят.

Подобно звучащему при стечении знати В увитом гирильдами, восхищающими танцоров С кругобокими барабанами и родичей их, Праздничном зале царя приморской страны Шуму приветствий — многие звуки слышны; Изысканновкусная, ароматная, нежная, Мякоть сочных плодов хлебного дерева, Соперничающие красотой сладкие плоды манго, Разнообразные фрукты, стелые и зеленые, На стелющихся стеблях под дождями вращенные; Показавшиеся из почек — зелени листья съедобные,

Истекающие соком сласти, а́мрите подобные, Знаменитый рис с мясом, в земле растущие клубни, Сладкий рис с молоком и множество прочих прекрасных Кушаний поглощается в гаме харчевен разных;

Когда корабли белопарусные, принимавшие ветер, Выгружают товаров множество и над портовым городом Громкий обычный шум смешивается с гомоном Чужеземных кушлов, скулающих драгоценности, Тогда на отмелях черных глубокого моря, чьи волны Рыбой пахнут сырой, живущими, тучей взлетающими И в тревожную полночь возвращающимися назад Птицами многочисленными поднимается крик — Им подобно базарные площади по вечерам шумят;

Когда горячий яркосверкающий свет смягчая, Ярость смиряя, закатное солнце, день пройдя, С горами на западе соединяется, а на востоке Луна возникает полная, сияние изливая, И ночь, совершенством равная дню, приходит, — Женщины, желаньем пылая, пред тем как соединиться С возлюбленными мужьями, плетут из прокладнодушистых Изысканнолепестковых водяных лилий гирильды, С украшенных длинных волос стряхивают благовоныя, Растирают мусков, размалывают сандал, Дымом а́рила пропитывают одежду тончайшие ткани, Исполняются радости, взирают очами лани; Потом зажигают лампы с пламенем длинноязычным, И когда невнятно шумящий вечер, неся печаль, Вступают в пределы домов, они, смущаясь, Берут семиструнный сладостнозвучный йаль И, извлекая подобные низкому голосу звуки, Обнимают желанного друга.

Другие, вздымая руки Так, что округлые ярко сверкают браслеты, Прикалывают к затылку благоухающие до небес Прохладою водной цветы, и вдоль улиц летит Аромат едва распустившихся новых бутонов, Достигнув обильного блага величественной красоты: Уподобляясь зацветшим под ливнем стеблям, столь душистым, Словно вдыхаешь запах раскрывшихся крупных лилий, Пчелам любезных, — к телу прикрепляют цветы; И, обнимаясь так, что от бус на груди остаются следы, Пращиваясь с приторной страстью, избегаая соединенья,

Пришедших за наслаждениями из ближних и дальних мест Молодых богачей состояние прибирают к рукам;

И — словно племя пчел нежнокрылых, что, съев пылицу, Покидают цветков, — покидают, куда те сладко спят, Соединявшихся с ними, скорбь причинив их сердцам, Чтоб, птицам подобно, отборные выскивающим плоды, Встречи искать с сыновьями из богатых семей В домах, пред свадьбой возвышенных божественной силой анангу,

Где девы, изычно украшенные, с золотыми браслетами,

Толпятся при ярком сиянии ламп, красую своей

Подобные девам небесным, в голубых небесах

Пляшущим, — и у собравшихся на таких торжествах Охотницы за богатством дрожь поселяют в сердцах:

Радуясь пенью ночного йала и рокоту барабанчика,

В лад звучащих, они танцуют возле прохладного

Залива глубоководного, но на песке осыпающемся

Устают и срывать начинают с веток цветущих

Нежные листья, с бутонами влажными их сплетая,

И гирилами, длинными столь, что достают до края

Одежд, из лилий сплетенными, себя украшают

И в домах, ароматами полных, пребывание предвкушают.

В день торжественный Онам, празднуемый Майоном,

Одолеем рать авуаров, золотой гирилкой увитым,

Воины-маравары с лицами в шрамах глубоких,

Мечом нанесенных, с могучими руками в рубцах от битв,

На лбах же следы от ран, полученных в схватках жестоких,

Когда они бились на улицах вражеских городов,

Восторженные, украшенные венками, полными пчел,

Вдоль полюсы, засыпанной камнями острого галечника,

Мощных ведут слонов — возбуждая веселье в народе,

Что, выпив крепкого тодди, на них посмотреть пришел.

Жены, детей родившие на радость мужьям,

Когда пополневшие груди а́мриту источают

И сроки отвергнутости проходят, с благой родней

В прудах близ богатых домов омовенье свершают;

Йаль настроив на верный лад, чтоб играть севва́жи вечернюю,

К звону кúрал-струны прибавив бой барабана,

Под звучание множества маленьких барабанчиков,

Светильники пред собою держа и сложивши руки,

Осторожно, подобно павлинам темным, ступая,

Женщины, впервые беременные, рис подносят

Ця́лини большерукой,

иные звуки

Там слышны, где Му́руганом одержимый

Обладатель копья острейшего, все приготовив

Под пение музыкальных орудий, звенящих как пчелы,

И раскрывшись в дожди цветы кúринджи надев,

Пред Высоким склоняется Юношей, обретающимся под ка́дамбой,

И во всех дворах кúравэй пляшут, — и все кварталы,

Где, все убустрясь, речь, пенье и танец стали безумными,

Дереполняются звуками и делается мало-помалу,

Словно в праздник великого Наннана, шумными;

И после того, как прошла первая стража ночная,

Звук раковин заглушает, и, на засов закрывая

Давки, где назначаются цены товарам,

Тихие гордые девушки тихий сон предвкушают;

Пирожники, чьи изделия — лепешки нежные а́дей,

Подобные сепчатым сотам, и такое печенье,

Когда на сиропе из сахара растопленного замешана

Рисовая мука, — и они засыпают;

Пляшущие на праздниках, скованы сном танцоры;

Сладость проникла в очи тех, кто во сне затих,

Как затихают холодного моря просторы;

Посреди темной ночи демонны и а́нангу бродят,

Став видимыми, вместе с демонами,

Колесничими Ямы, чей жезл себе цель находят;

Слившихся с тьмой, сравнимой с черной шкурой слоники,

Обутых в сандали, из жесткой сплетенные кожи,

Вооруженных мечами, что камен, как дерево, режут,

И набедренными кинжалами с рукояткой короткой,

Искуснейшей ковки, которые цветом схожи

С мелким черным песком, на поясах сапфирных;

Обмотанных тонкобечевными лестницами многократно,

Отбланные ломки прячущих охотников за драгоценностями —

Этих людей скрывающихся места укрытий выслеживая,

Подобно мощному тигру, за мощным слоном следящему,

Недреманоголазые, неустрашимые,

За мужественное поведение знатоками хвалимые,

Постигшие всю полноту законов, все тонкости дела,

Городские стражи, чьи крепки точные стрелы,

До колесничным широким улицам и тогда,

Когда затопляет их в полночь ливневая вода,

Ревня полны, свой не замедлят шаг,

И следующая стража бесстрашная, всеохраняющая,
Сменяет таящий духов, ночью бродящих, мрак.

Как, на душистый от пышных бутонів пруд
Слетевшись, пчелы, пылью поглосая, поют,
Учеными брахманами распеваются Веды;
Музыканты, приятного лада струны задев,
На йале выводят марадама напев;
Крепким слонам задают погонщики корму;
Кони — мощь колесниц — в стойлах траву жуют;
Лавки, товарам полные, жижей коровьей кропят;
Торговцы калем выкрикивают его цену;
В объездах любимых мужей до зари прослав,
Желая заняться утренними делами,
Жены, звена украшенными золотыми,
Как молнии блещущими, по дому ходят;
Двери домов оттираемые скрипят;
С похмелья лелеющим радостно языком
Старые пьяницы что-то кричат невпопад;
Суты возносят хвалу, магадхов речи звучат;
С толосами вайгаликов и глашатаев времени
Сливается гром барабанов; разносится рев быков;
Петухи яркоперые провозглашают рассвет;
Самцы чакраваки и гуси, исполнивсь желанья, кричат;
Громом павлинов, красой сияющих, зов;
С самками соединяясь, режут большие слоны;
Воят хищные звери, в клетки заключены;
Сверкающие подобно очистишемуся от туч
Синему небу и словно бы радостно одурманенные
Женщины в украшениях, что, на мужей сердясь,
Ожерелья сорвали и стекшие жемчуга —
Рассыпавшись по земле, покрытой (как будто золото
Плавают на ней) завязями кокоса, который отцвел,
Только что — и бутоны, не дождавшись расцвета,
С песком посыпанных двориков, под гудение пчел,
Подбирают в покое сменившего ночь рассвета.

Утратившими мужество погонщиками большерукими
На поле битвы оставленные высокоблывневые слоны;
На вражьей земле захваченные стелющиеся в беге кони,
Копьями, поразившими мужчин, на защиту пришедших,
Как посохами, подгоняемые теми, чей взор суров,
При свете горящих селений угнанные стада коров;

Осененные аянугу врата крепостей победенных;
Приносимая ежедневно при возгласах славословий
Руками, в почтенье сложенными, дань, усиливающая блеск,
И все избобиле трофеев и драгоценных даров —
Как к морю воды катятся Ганги плавной, —
Стекается к равной великолепьем мнру богов
Мадуре пышной, великим именем славной.

Вот почему —
подобных сиянью лучистого солнца,
Когда его раннего жара сверкающие потоки
Льются на рошу, где пчелы приникают к бутонам,
Огненно распускающимся, ярко зацветшей асоки;
Блестящими драгоценностями, освещающих землю
Изяществом равных павлинам, телом — побегам манго,
Прожилки в которых схожи с родинками на их коже;
Острозубых; сережками отягчающих уши;
Сверкающеликих, как лотос пламеннолепестковый,
Пыльцой богатый, расущий в пруду при храме; —
Изысканных этих дев душистые плечи обнав,
На постели, гириандами пышно цветущей, приняв
Сон благодатный и радостно от него восстав,
Возложив на нагеругу крепким сандалом,
Обвитую лучистыми ожерельями грудь
Гирианду обильноцветочную, спускающуюся с шеи,
Кипшащую роєм пчел со спинками полосатыми;
Могуче и широко руки украсив богатыми
Золотыми прекрасными кольцами и браслетами;
Одежды, в отваре рисовом накрахмаленные, надев,
Поверх же — груз украшений, роскошно блистающий;
И оттого став подобьем искусно изваянной
Великолепной статуи, Муругана являющей, —
Ты — на воинво, рвущихся в бой, гонящих врага,
Преграждавшего путь, словно дамба — течење реки,
На твою восхваляющих мощь и могучий твой меч,
Стрелы грудью встречающих и поднимающих лук
И удерживающих коня силой доблестных рук,
На постигших науку сражаться под стенами крепостей,
Рвы которых усыпаны множеством битых камней;
На полководцев, что под немолчный бой барабанов,
Которые бычьей сырою обтянуты шкурой,
Средь войска, чей пыл подобен вихрю пожара,

Вместе с теми пятью, что украшены золотом,
И хвалы тебе возносящих с прочими заодно,
В великолепном приемном зале твоём,— поднимая
Золотые сосуды и терпкое пальмовое вино,
Разносимое девушками прекрасными, выпивая,
Радуйся каждый твой день! Проводи средь услад, о благой,
Время жизни, тебе отпущенное, полученное тобой!

Громадных слонов губя на полях сражений,
Мужество показав, падали от ранений,—
На всех на них, без распросов «Кто ты?»,
Согласно заслугам, гирианду из золотых цветов надевая,
И всех, чьи колышется копыя и стрелы, как зыбь морская,
Цьи выцветшие доспехи в местах сочленений разбиты,
Цьи изурнувшая плоть креще колесных ступиц,
Грудь же горит стремленьем оказать услугу высокую,
Чтоб твой небу подобный дворец не искал защиты другой;
Всех, кто привел стада возвышающихся слонов,
Всех, на груди у которых, увитой гириандами, высох сандал,—
Всех, свершавших великие подвиги, и всех, кто им подражал,—
«Да придет сюда всякий! Все приходите!» — так пригласшая,
Всех встречая у врат, войти никому не мешая,
«Пусть панары входят! Певицы пусть входят! Пусть музыканты
С поэтами речеобильными входят!» — так возглашая,
Всем просителям, обремененным родней многочисленной,
Колесницы с башенкой логосовидной и слонов раздавая,
И пока на поляне для танцев каль допевает,
Барана под каждым деревом, повалив, закаляют,
Нагреваясь, становится мягче плоть,
Плавится жир, мясо, поджарясь, шипит,
И до дворца долетает дым, вьясь над сосудами
С кипящей приправой, подобно туче, несущей дожди,
И, уподобившись все эти жертвы принесшему Мудукудуми,
Путем жертвоприношений, столь же благих, да иди!

Как достохвальный Ниландар Тирувиль Недийон,
Вкушавший мудрость всеведущего собранья
Славных учителей, верных заветам древним,
Ты, в безупречной хвале, приносимой устами
Беспристрастных, возвышенных многих мужей, возникшая,
Дары раздавая редкие, подданных обогащая,
Изучая великое, славой своей блистая,
Подобно солнцу среди волн трехводного океана,
Подобно луне посреди многочисленных звезд,
В окружении цветущих родичей ярко сверкая;
И — в присутствии почитавших славного гириандного
Великого именем Мара́на как своего предводителя,
Юных косаров мечом справедливо карающих,
Стяжавших славу геройскую, властителей малых земель,
Толпящихся, дабы слово твое истинное услышать,

КУРУНТОХЕЙ 40

Моя мать и твоя мать — какая родня?
 Что общего с моим отцом у твоего отца?
 Знал ли я тебя и ты меня?
 Как красная земля и дождевая вода,
 Смешались, любви исполнив, наши сердца.

КУРУНТОХЕЙ 3

Больше земли, выше небес, полнее морей
 Любовь моего господина, который в горах живет,
 Где курильщики чернотепельные цветы
 Благоухают как мед.

АХАНАНУРУ 82

Когда в отверстиях сверкающих колышущегося бамбука
 Прекрасный западный ветер становится свистом свирели,
 Когда звон нежный ручьев, прохладных и сладкопевучих,
 Становится дробным голосом множества барабанов,
 Когда пронзительный крик оленего стада — трубою,
 А пчелы на горных цветущих склонах становятся йалем,
 Тогда, этот сладостный шум слыша, благое собрание
 Обезьян, изрядно шумливых, изумясь, в замешательстве
 смотрит.

Как выступают на круче, поросшей бамбуком, павлины,
 Подобно вирали, выходящей на площадку для представлений; —
 Этого края житель, выбравший лук покрепче,
 Безукоризненной формы, и проверивший стрелы,
 Спрашивая, кто видел слона, с которым он бился,
 С той стороны калитки на поле созревшего проса,
 Грудь в гирлянде цветочной, стоял — свидетельниц много,
 О подруга! — из них,
 Ночью, на редкость темной, к подушке приникнув,
 Стала одна только я такой на мое несчастье,
 Что слезы льются из глаз и худеют запястья.

АХАНАНУРУ 48

Живи, о мать! Пожелай меня выслушать! Дочь твоя
 Даже не пьет молока, поникла в печали,
 Вся пожелтела — ты спрашиваешь о причине?
 Не могу объяснить беспорного дать и я.
 Однажды отравились несколько нас подруг
 На склон цветущий — ветвистого венгея наломать.
 «Тигр, тигр!» — раздались громкие крики вдруг.

В гирлянде иглоу пронизанных изысканнолестковых,
 Очертаньем подобных глазу цветов линии ярко-алой;
 В красном, сдвинутом набок венке; с пастою из сандала
 На груди, готовой принять женскую грудь;
 С узорно украшенным луком и связкой стрел —
 Он: «Каков же этого тигра путь?» —

Так спрашивая, на нас смотрел,
 При виде его, друг за дружку прятаясь,
 Мы, застеснявшись, стали.

«О заботливо разделавшие волосы ваши на пять
 Прядей, изысканнолобые, влажноволоосные скромницы,
 Иль вы ничего мне не хотите сказать?» —
 Так колесничий этот, сдержавший быстрых коней,
 Молвил и, глянув не раз в сурмленные очи твоей
 Дочки, стал уходить он, хозяин этих холмов.

При свете солнца закатного, на исходе дня,
 Смотря неогрызно туда, где он скрылся: «Это
 Муж истинный, о подруга!» — сказала она.
 Для тех, кто умен, довольно такого ответа.

НАТРИНЕЙ 160

Обходительностью, дружественной привязанностью,
 застенчивостью,
 Усердием, доблестью, поведением, выражающим знание сути,
 Я в большей, чем ты, степени обладал, пока не увидел
 Благоухающие, теснящиеся молодые высокие груди,
 словно образганные узором родников мелких,
 И волосы, расчесанные на пять прядей, медоуханные,
 Роскошно обрамляющие лик ослепительно-золотой,
 И влажные очи, в прожилочках алых, цветущие,
 Как густая охапка сорванных лилий,
 Раскрывшихся в водоеме с древней водой.

КУРУНТОХЕЙ 335

Когда девушки, надев изящные украшения и браслеты,
Меж черных скал расстилают метелки красного проса
И, утомявшись, ныряют в горный ручей, то, видя это,
Чтоб зерна схватить, спешат с детенышами спуститься
С ветвей обезьяны зеленглазые, обитатели гор, где ютится
Селенья, откуда родом горянка широкоплечая,
Охотника с длинными стрелами и луком тутим сестрица.

НАТТРИНЕЙ 359

Житель горного края, где теленок глядит в замешательстве
На корову в лощине, ставшую красной, когда
С заднего ею кáндаля тучи пыльцы слетели,
Дал нам из листьев юбочку, чтоб надели.
Если надеть — бояться начнем, что узнает мать;
И урона любви бояться начнем — если огдадь.
Не засохнут ли они тем временем сами,
Эти листья, что трудно так собирать
На горных склонах, которые грозному богу милы,
Но на которые не решаются даже дикие влезть козлы?

НАТТРИНЕЙ 140

Когда во дворе, покрытом песком лунносербристым,
Где достаточно места для колесницы отцовой, —
С подружками большеглазыми, волосы у которых,
Расчесанные на пять неравных прядей, покрыты
Высушенным, в порошок истолченным сандалом прохладным,
Цыи, на коротких стеблях, соцветья бывают раскрыты,
Когда тучей, набравшей влаги, темнеет западный край, —
Веселится и в мяч играет та, что ко мне безразлична:
Явит ли милость, нет ли — страдая, не отвергай
Поклонения ей, о сердце! Ибо хоть малую долю
Муки и тревог снимающего никакого иного лекарства
Для моей не отыщешь боли.

АХАНАНУРУ 140

Рыбаками из мелких селений, промышленяющими в большом
море,
Добытой без пахоты с отдели, с солончакового поля,

Серебристой каменной соли назначавший цену
Одoleвает холмы, потрескавшиеся от солнца,
Палкой быков погоняя, торговец солью,
Цыя мной любимая дочь звенит вигтыми браслетами,
Когда объявляет в селах она условия обмена:

«Серебристая соль — против риса!» — и лают дворовые псы,
Обученные обращенью с чужими, и виден испуг
В глазах, что подобны двум надменным быошимся карпам,
Меня терзающих болью, разгорячившей дыханье;
Я мчусь, как бык, запряженный рукою ее отца,
Тянувший через силу, чтоб скорей прекратить страданья,
Повозку, в грязи увязшую, заскорузлой и черной,
Как дым, когда лес выжигают горцы для пашни просторной.

КУРУНТОХЕЙ 235

Живи, о северный ветер, и охраняй покой
Селенья женщины доброй, где хижины крыты травой,
Где посадет лоси дикий крыжовник нелли,
Там, высоко в горах, на склонах которых ручьи
Сверкающие напоминают висящую кожу змен.

АХАНАНУРУ 122

Знаменитый обильем дождей и пальмового вина,
Древний город, хоть праздника нет, не спит;
Когда на торговых улицах воцаряется тишина,
Властноречивая мать, чье слово крепко, не спит;
Если она, на запоре держащая дом, заснет,
Недреманюю стражники быстро пройдут во мраке;
Если они, острозубые, чьи блещут копыя, заснут,
Радостные залают, хвостами виляя, собаки;
Если они, громкоротые, не залаяв, заснут,
По кругу просторных небес, выпустивших луну,
Сияющую как день, окажется свет разлит;
Если за горы уйдет луна и наступит тьма,
Филин тяжелоротый, охогющийся на мышей,
Вместе с бродячими духами о гибели закричит;
Если умолкнет филин округлоглазый,
Неожиданным шумом куры наполнят дом; —

Но и когда все стихнет, может он не прийти,
Ибо достаточной стойкости не имеет в сердце своем.
Видишь, обильной камнями охранной роще
Крепкостенного Урандэя — столицы владыки Гиттана,
Чьи кони в галопе стремительном стелются,
Так что звенят браслеты с жемчужинами внутри, —
Подобны препятствия, о подруга, нашей тайной любви!

КУРУНТОХЕЙ 152

Клянущийся в любви — о том ничего не знает,
Что прячущаяся внутри, как в материнском яйце,
Вся состоит из нежности, ничем не защищена
Любовь — как беспомощный черепашенок она,
Когда на погубель возлюбленный нас оставляет.

КУРУНТОХЕЙ 87

Говорят, древний бог,
Обретающийся под древом марам на поляне для отдох,
Сокрушает жестоких — но только ничуть не жесток
Друг мой, в горной живущий стране: виновата тут просто любовь,
Что мой лоб потускнед, и что слабость я чувствую в теле,
И что полные нежные руки мои похудели.

АХАНАНУРУ 22

То, что оторвана я от широкой душистой груди
Жителя гор лесистых, по которым бегут ручьи
С вершин, освященных амангу, — вот отчего мой муки.
Не зная того, мудроустые суетятся старухи:
«Она успокоится, если почитать Высокого Юношу,
Чьи истребляют ослушников могучие славные руки», —
Истину эту изрекши, украсив поляну для танцев,
Развесив венки, наполнив звуками пенья
Светильше пышное, свершив жертвоприношение,
Кровью смочив прекрасные зерна красного проса,
К Мүругу стали вызывать в полночную страшную тьму —
Но так как все это помочь не могло тому,
Чтоб сандалом благоухающий, в венке из расстущих по склонам,

Обрывистым и непроходимым, цветов, окруженных пчелами;
Для пропитанья выслеживающий слона; продвигающийся
подобно

Тягемусю, избегающему взглядов, могучему тигру;
Обманывающий охранника покоев в доме благом,
Дабы исполнить желанье души, столь страдавшей по нем,
Обнимающий так, что слабеет дыханье
И тело полнится радостью, любимый, к нам сюда идя,
Появился и боль утишил — как же мне было
Не рассмеяться, услыя тщетные велана видя?

АХАНАНУРУ 80

Пробравшись по пустошам вдоль солевых черных варниц,
Обиталищ акул рогатых и крокодилов изогнутолапых,
Пришел ты ночью, о житель прохладного взморья!
Неужто так труден к нам путь?! От выловленной в просторе
Друг с дружкой связанных волн и привезенной отцом
Вывливающей рыбы будем птиц отгонять.
Колесами разрезая мягкие красные плети
Взросших близ моря, забытого водорослями колочими,
Бесчисленных ярких цветов раздвоеннолистого адумбу,
Упряжку коней одномастных под звон колокольцев гоня,
В рощу деревьев пунней, сыплющих из соцветий,
Средь блестящей листвы раскрывшихся, золотую
Пыльцу прохладнодушистую, — приди в середине дня!

АХАНАНУРУ 2

О житель страны, где самцы обезьян несмышленных
Пьют тогда хмельной, что в расселинах горных настоян
На тронутых гнилью сладких плодах перезрелой
Грозди густого банана и на уже несъедобной
Мякоти хлебных плодов, сорвавшихся в воду
С деревьев на склонах; и после с неловкостью пьяных
Лезут, срываясь, на перцем увитый сандаловый ствол
И валяются спать, порезывая на цветочных полянах; —
Так неожиданно просто в горах твоих многие звери
Сладости достигают. Почему же еще не обрел
Сладости ты, о которой мечтаешь?
Ведь сердце прекрасной, бамбуковорукой,

Взволнованное тобою, бьется дрожь, —
Так что, когда, утомившись, надежные сторожа
С мест отлучатся своих, ночью прийти можешь ты,
Вот и вѣнтей раскрыл сверкающие цветы,
И серебряная луна достигла уже полноты.

НАТРИНЕЙ 348

Луна раскинула лучи в сапфирном небе
И океаном разлилась молочным;
Средь шумных улиц криками толпы
Начало праздника приветствует селенье:
Лес полон неумолчного гуденья
Пчел, ищущих подруг по зарослям цветочным, —
А я в тоске, одна, спускаю украшенья.
Ночь долгую сомкнуть не в силах глаз:
Со мною ли устроил мир сраженья,
Иль с миром я — душой, оставшей от мученья?

АХАНАНУРУ 100

Когда ты приходишь ночью, чтобы прижать ее
К груди, украшенной в знак величья гириядной
И натертой толченым сандалом, отчего остаются пятна
На груди ее нежной, то это и мне приятно.
Но словно в открытой рощах цветущих деревьев пунней
Бухте Пурайдей щедрорукого князя Периана,
Колесниц и коней обладателя, певцов покровителя,
Где подобные вспыхкам на налюбных пластинах,
Колелблющихся на головах к убийству привычных слонов
В стане несокрушимого, славного мощью царя,
Возникают на лодках рыбацких, ловящих жирную рыбу
В море облачной ночью, когда стихает волнение,
Разгоняющие темноту огоньки, ярко горя; —
Так вот, словно в этой бухте крик ссорящихся цапель,
Полетела молва по ютящемуся в краю, засеянном рисом,
Где буйволы в сумерках утра, когда прохладна заря,
Выходит ошипывать нейаль в первом цветенье, —
Нашему слухами полнящемуся селенью.

АХАНАНУРУ 62

У смуглой — рот, белозубой улыбкой цветущий,
Подобный нежным стеблям травы, в воде растущей;
Распускающиеся бутоны грудей, бамбук плечей;
Словно лилии кувалей черностебельной два цветка,
Темные лепестки влажных глаз; и хотя мы с ней
Встречаемся в месте, скрытом даже от пей,
Молва о свиданиях наших гремит, как барабаны;
И оттого, что хожденую тайком препятствий немало,
Вчера так от горя дрожала, словно в поток
Кавери, бурной реки, водоворотами славной, попала,
И чтобы дрожь унять, к груди моей припадала
Она — подобная изваянью богини,
Украшающему простор в горах Колли,
На ручьями сверкающем склоне водруженному Порейному,
Чье грозно копытами и слоноами войско огромное, —
Красавица темнотелая, безупречно скромная.

КУРУНТОХЕЙ 24

Белая черностебельная маргоза вот-вот отцветет,
Неужели любимый не возвратится до этого срока?
Как семнжды семью крабами истерзаный плод
Среброцветистой фиговой пальмы на берегу реки,
Меня истерзали жестокие языки
Своими ля-ля и бу-бу: «Твой любимый далёко».

КУРУНТОХЕЙ 157

Прокукарекал петух, и ему в ответ
Зарепегало чистое сердце мое от испуга,
Потому что к плечам моим приникшего друга
Отделяющий, словно меч, наступил рассвет.

КУРУНТОХЕЙ 326

Коль тот, с кем на берегу нас приютила лачуга,
Игравшими в море девушками сложенная, чьи бамбуку
Плечи в гириадах подобны, — меня обречет на разлуку

С собою, прибрежного края жителем, о подруга,
Значит, встреча эта таит многодневную муку.

КУРУНТОХЕЙ 240

Когда подобные кловам попуаев цветы аварей
Средь зеленющих веточек и цепких прохладных стеблей
Распускаются вместе с муллеем, чьи похожи цветы
На зубы лесного кота.— приходит северный ветер.
О подруга, взгляни: чтоб огягчить мое горе,
Милого холм изумрудный, когда наступает вечер,
Скрывается, как корабль, в волнистом тонуций море.

КУРУНТОХЕЙ 381

Неужто страдания, от которых я стала цвета разлуки,
Ночами не сплю, и сердце горюет,
Поглябла былая краса и увяли руки, —
Все оттого лишь, что я смеялась, открыв зубов

ослепительных ряд,
С жителем побережья, вдоль которого плещут шальные волны,
Играя свежими лепестками рощ, цветения полных,
Близ вод прохладнодушистых, где белые цапли кричат?

КУРУНТОХЕЙ 321

С гирляндой сандала горного на груди и с венком
Лилей из горных источников с выощимися вокруг
Пчелами, среди ночи, в наш направляется дом,
Чтобы припасть к груди твоей, нежный наш друг.
О девушка с поступью скромной! Тигр красноглазый ревет,
Когтя на полане лоса, и самка в испуге бежит —
Время ли, о сестра, в любви таиться теперь?
Нет! Ты сама захоти приоткрыть нашу дверь.

АХАНАНУРУ 10

О житель славного побережья, где почвы мягки,
Где к темным ветвям дерева пунней слетаются птицы,

Когда расцветают на нем, кривоствольном, бутоны,
Словно летящие брызгам морским навстречу зарницы!
Коль думаешь ты о разлуке, которая слезы
Исторгнет из глаз сурмленных, подобных нейдаль,
Трудное дело ты затеваешь, о великий!

Порт Тонди есть, близ него — поселок пахучий, где рабаки,
Чьи сети новы, а старые лодки разбиты
Ветром восточным и волнами, накагывающими на пески,
Десят награбленное акулой, выброшенной на берег, —
Так вот, отправляясь в путь, взять должен с собою ты
Богатое, как этот порт, благо ее красоты!

АХАНАНУРУ 65

Избавимся от речей матери, угадавшей
Замысел наш, хотя и скрывающей это;
Разом покончим с мольбой речистых женщин селенья,
В которых ни капли нет сердечного сожаленья;
Возрадуясь, о подруга, как проситель, пришедший
Славить Удилама Чераладана, расширившего страну;
Сегодня возлюбленный тоже в мечтах о победе,
Ведь он заодно с нами, прекрасноволосыми, —
Хотя девушкам с цветочными насурмленными глазами,
С расчесанными на пять прядей душистыми волосами,
С округлыми, в родничках, грудью, с бамбуковыми плечами,
Путь, на котором препятствием оказаться могут слоны
Гнутовысокобиневые, коими славится лес
С тропинками в чаще бамбука, бегущими вверх и вниз,
Словно идешь по спине задыхающегося слона,
И где на широком просторстве с деревьями йа высокими
На каждой горе возникает великолепие пламени
Острого, раздуваемого ветром, подобно тому
Как на вершущаке волн, касающихся небес,
Во множестве огоньки рыбачьих лодок видны; —
Путь этот тяжек мучительный тропами дикой страны!

АХАНАНУРУ 49

Та, что любила бобы-кажангы, мяч, попугая,
В нежности, в милости, в дружбе, в поведении не такая
Стала, как прежде была, — жизнь да погибнет моя! —

Ибо когда, как к дереву привязанная корова
Оглядывает, суровоглазая, свою кругобедрую телушку,
Я оглядела ее, сзади к ней подошла
И, тронув округлый лоб, нежно ее обняла,
Меж зрелых грудей моей дочери пот показался —
Видно, ее обнимали так, увы, не впервые.
Если бы знать, что она в дикий отправится лес,
Где антилопы наивные, от жары изнывая,
В небо глядят с обидой и ветки жуют сухие
Дерева мараль, где он, сильный и достославный,
Будет ее ласкать, в сухой тени отдыхая,
То я бы ходила за ней, словно тень ее тела,
По просторному дому отцову, в котором крепко засов
И пищи довольно, я бы не отходила от мест,
Где играла она, браслетами где звенела
В стайке подружек, украшенных гириандами из цветов.

НАТРИНЕИ 29

Туда, где от долгой жары погибает кандаль,
Где пылает огнем дорога, лишенная тени,
Где тигр, ради самки голодной с бессильными после рожденья
Детеныша лапами, на скрещенные дороги с тропой
Жертву высматривает смутной вечерней порой,
Туда — как дойдет она, как этот путь одолест?
Разве не будут болеть ее молодые высокие груди! —
Едва лишь подумаю так и руки мои ослабеют,
А она уже жарко вздыхает, несчастная,
Нежная, со слезами в прохладных, полных желанья глазах,
Темные волосы умащены, простодушная и прекрасная.

НАТРИНЕИ 184

У меня-то ведь дочь одна! И она
С могучим бычком, обладающим острым копьем,
Ушла вчера в край пустынный, где круты горы.
А вы говорите теперь: «Терпи свое горе!»
Разве это возможно? Бывает ли что жесточе?
Поймите, сердце мое воспламеняется сразу,
Когда я гляжу на жасмин сапфирововетный ночью
И веранду, где изящная девочка моя играла,

Словно двигалась куколка, что в рождении обитала
Взрачке моего сурмленного глаза.

АХАНАНУРУ 86

С фасолью сваренная рисовая похлебка
И загустевшая рисовая каша — не иссякают;
Меж столбов, под навесом прохладным, песком посыпав,
Зажигая светильники, развешивая гирианды,
На исходе ночи, когда столь прекрасно утро.
И изогнутый месяц серебряный ускользает
От тьмы всеохватной и в день безупречный вступает,
Прекрасные матери под шум невнятногоголосый,
Кто вверх поднимая кувшин, кто широкий сосуд,
Стоящим вокруг них по порядку цветы раздают;
Родившие сыновей, отчего животы их в полосках
И пятнах, четыре нарядные женщины говорят:
«Во всем держась добродетели, на помощь идя ежечасно,
Того, кого мужем получишь, да будешь любить ты страстно!»—
И цветы, ими брошенные, с влагой на лепестках
Сверкают меж зерен риса в темных густых волосах;
Когда же юной женьгибы окончилось торжество,
Родственники изволнованные отдали ее мне:
«Да будет великого дома хозяйкой!» — проговорив,
Тогда, оставшись в комнате в ночь первого соединения
С нею, в комочек сжавшейся, согнувшей округлую спину,
Я обнял ее, лежащую в одеянии новом,
Лицо приоткрыть боюсь, чтоб желанье объятья
Не выказать, и спросил, частое слыша дыханье:
«Чем полно сердце твое? Поведай все без изъятья!»
Она улыбулась нежно и — так, что в ушах закачались
Гроздью красных камней сверкающие украшения,—
Ко мне приблизив лицо, душу отдав усладе,
Вдруг надо мною склонилась — простодушьем похожая
На антилопу, радость выразившая во взгляде,
С влажными волосами красавица смуглокожая.

АХАНАНУРУ 56

Не смешно ли, подруга, что житель селенья
Близ бухты прохладной, где пруд сапфирный

Колышется, когда по берегу буйвол с рогами
Черными, крепкими как железо,
Листья амбаль срывая, цветы кувалей поедая,
Подставив влажную спину под падающие бугоны каньджи,
Направляется в стойло, двитая челюстями,—
Не смешно ль, говорю я, что этот житель,
Украшенный грудь густою гирияндой,
Наряженный будто в день свадьбы, отправил
Панара с-радостной, женщи влекущей вестью — а тот,
Когда отелнившаяся корова средь улицы бросилась на него,
В дом мой вбежал, трясясь. Видя это,
Я вышла навстречу, пряча в душе торжество,
И сказала: «Ошибся ты домом, вон — твой!»
Скрыв в сердце досаду, стоял он почтительно предо мной.

АХАНАНУРУ 16

Нашего, всеми любимого, мальчика, чьи ладони
Как лестки, прилегающие к сердцевине в бугоне
Лотоса, распутившегося в древней воде пруда,
Где обитают выдры; нашего сына, чей
Рот как коралл; чей выговорить смешную сладость речей
Не в состоянии язык; его, в золотых браслетах,
Средь улиц, где колесницы ездят, застав одного,
Остроубая девушка, думая, что никого
Нет свидетелей, видя в нем образ его отца,
Приблизилась, приласкала и, прижимая к груди,
Несушей тяжелое золото и драгоценные камни,
Радостно проговорила: «О жизнь моя, приходи!»
Увидев ее такую, я не могла устоять.
«О прекрасная женщина! — я, подобдя, сказала. —
Что за безумная речь! Разве и ты ему мать?»
И тоже, обняв ее быстро, видя, как стыдно ей,
Как голову опустила и землю носком ковыряет,
Словно за чем-то тайным застали ее, приласкала.
Почему бы и нет, о славный! — в ту минуту она небесной,
Обладающей анангу редкостным богине была под стать.
И выглядела поэтому как сына твоего мать.

НАТРИНЕИ 380

Очиষ্টельным маслом пропитаны и дымком,
В пятнах и скверне одежда наша и руки;

Грудь, родинками покрытая, брызжет густым молоком,
Тело, от близости к новорожденному, пахнет нечистотой;
Обладателю колесницы, обретающемуся в квартале
Женщин, чьи ярки и чисты наряды, мы не подходим;
Так что на златогрунном сладкоголосом йале
Хоть ты играй и искусен, хвалебных нам песен не пой;
Вернись к своему господину, в его, близ моря, селенье. —
Дому труда и страданий не подобает пенье;
Долгий ярем приводит в отчаянье даже коней.
Не заводи безуспешно недостойных речей.

АХАНАНУРУ 116

О житель селенья, где воды струятся,
Где полная каля хмельного повозка
Работников, жнущих и в кучи сносящих рис красный
Средь лотосов огнезванных, в грязи увязает
И ей под колеса кидают сладкий тростник преkrасный!
Потерян, знагт, стыд! Вчера средь залива,
Поросшего пунгу-цветами, подобными жареным зернам,
С блистающей любовью, чья грудь так красива
Под мягкой камней драгоценных, глаза — как незрелые манго,
Короткие пышные волосы увиты цветами душистыми,
Краса же благая пронзительна, словно копьё, —
Ирал, говоря, ты в бегучей воде; эту весть
Я ложью прикрыла, тая от подруги ее;
Но молва полилась через край и стала шумнее
Шума битвы, в которой воинственный Сэжиян
Верхом на слоне, украшенном пятнами грязи,
Средь простора близ Кудали, праздничной неизменно,
Обрушившись на подобные морю станы
Двух великих царей, затеявших нападение,
Видел их спины, когда, ревущие барабаны
Побросав, бежали они с поля сраженья.

АХАНАНУРУ 53

О подруга, живи!
По дорогам, расстрекавшимся от жестоких лучей диска,
В стремительном беге по небу уничтожающего тьму блеском,
По усыпанным опавшими белыми цветами мурукку

Безлюдным длинным дорогам в стране безводной
Красный пес сверкающезубый с самкой голодной,
Мимо растущих на пустоши, каллы покрытой,
Мимоз, чьих стволы усеяны сплосью жуками
С высокими тельцами и скрученными носами,
Бродя в тени камней с выбитыми на них
Именами воинов, павших от стрел марабáров,
Лучников превосходных, мрачный путь стерегущих; —
Кто этого дикого края преодолеть лишенья
Решил, чтоб добыть богатство, и, молвив: «Сидящие дома
Его не добудут», — трагит на это все свои силы, —
Сердце того к богатству больше, чем к нам, влекомо,
А ты, что любимый — милость, помнишь, мне говорила.

НАТРИНЕЙ 166

Подобны сафиру и золоту
Дивное тело твое и душистые волосы,
Цветочным бутонам и трубчатому бамбуку —
Полные страсти сурмленные очи и нежные руки.
Когда я их вижу, душа моя полнится благом
И с теми равняюсь я, кто добродетели высшей достиг.
К тому же звенящий браслетами сын наш уже научился играть,
И в дальней стране никого нет, с кем был бы я в споре, —
О простодушная, ради чего мне тебя покидать?
Любовь моя глубже, чем море.

НАТРИНЕЙ 137

Когда замышляешь ты разлучиться
С красавицей простодушной, круглые плечи которой нежны,
А пышные волосы, ниспадая, благоухают прохладой,
Трудную участь ты выбираешь — живи, о сердце!
Где бродящий по диким просторам, лишенным
Влаги ручьев, бегущих по горным склонам,
Сильный слон, для того чтоб спасти
От тяжких мучений голода слониху большешеголовую,
Из земли вырывает ствол изогнутый манго,
Давашего тень бредущим по этому краю пустынному, —
Туда, к лесистым холмам, ты заставляешь идти.

АХАНАНУРУ 51

Коль задумаю различиться с темнойлицой, чьи очи как лобос,
Чтоб обрести богатства, хотя бы ты и страдало
Среди просторов, бамбуком, томимым жарой, покрытых,
Когда в безлюдных местах, лучами солнца убитых,
Тяжкий зной приникает к деревьям на длинноствольным,
В засохшей кроне которых, шумящей под ветром секущим,
Гриф устрашающий с черными, словно уголь, боками,
С красными, словно плоть разодранная, хохолками,
Смотрит на самку в гнезде, алчущую мертвечины, —
То вспомни, достойное сердце,
День каждый соединенья,
Когда домашним делам радуется хозяйка дома
И часто меня обнимает, так что звенят украшения,
И, как площадка, приподнята высокая крепкая грудь, —
И об уходе забудь!

КУРУНТОХЕЙ 27

Подобна каплям сладкого молока
Прекрасной коровы, на землю пролитого,
Теленком не выпитого и не попавшего внутрь кувшина, —
Моя, от меня сокрытая, не пригодная для господина,
Отданная на съедение цветку разлуки
Темная красота лона, родинками покрытого.

КУРУНТОХЕЙ 124

Говоришь ты, что глушь, где деревья манго растут, лишена
Благости — словно та, где деревни в упадок пришли, сторона,
Где, вместе собравшись, торговцы солью бредут простором
широким, —
А сладок ли, о господин, дом одиночим?

КУРУНТОХЕЙ 16

Вспоминает ли нас, о подруга, бредущий краем пустынным,
Где кустарника каллы так прекрасны стволы,
Где красноталая ящерица подыскивает себе пару,

Свистя,— как свистит на ноге вращаемый
Грабителями из калваров — чтоб заострился —
Наконецник железный стрелы?

НАТТРИНЕИ 148

Тот, кто ушел от нас, чтоб мужей достойное дело
Вершить, скавав: «Тебе не по силам путь в ту страну!»,
И нежно утешив при виде цвет изменившего твоего тела,
Сейчас, говорят, идет диким, гибельным краем,
Где красноглазый громадный тигр, в ярости прыгнув,
Внепляется в бурюю голову остробивневному слону,
Чтобы избавить от голода крепкокогтитую самку,
В горной пещере блаженно отдыхающую после родов,
И не боится множества мараваров, собравшихся там
С гнутыми луками и со стрелами под деревом красноствольным
марам,
Которое подле безводной вдаль уходящей дороги растет.
Я не горюю, подруга. Да будет удачным его поход!

НАТТРИНЕИ 289

О подруга, живи! Тот, кто нами любим,
Хоть земля поколеблится под ним,
Слово давши, неколебим. Значит, туча,
Из огромного моря воды начерпав,
Потемнев, ливень шумный пролив, громкий голос подав
В знак начала сезона дождей,— это сделала все для меня,
Ибо, тля, как корни дерев средь красивого луга,
Под которыми любит погреться пастух у огня,
Я страдаю, лишенная милости друга.

НАТТРИНЕИ 69

Многолучистый диск, творящий день, приблизясь
К вершинам дальних гор, скрывается средь них;
Птиц возвращающихся ждут в гнезде пенцы;
Льнут к ангилогам черношее самцы
В лесу, где рты бутонов приоткрыл муллей
И тондри так цветет, что стала глушь светлей;

Звучат свирели пастухов, опершихся на посох,
И колокольцы стад, бредущих с пышных пастбищ; —
Лишенный милости, звенящий тихо час.
Коль в той стране, куда мужи на труд достойный
Ушли, бывает так, как здесь, по вечерам,
Разлуки не снесут те, кто остался там.

НАТТРИНЕИ 97

Тяжко слышать немолчные пени кукушки,
Как копы, летящие в сердце, что поет
От старой глубокой гноящейся раны.
Еще злее река, свежей влагой набухшая, воеет.
Всех жесточе же дочь землелаша из края лесного,
Что с корзиною из пальмовых листьев идет и зовет:
«Не возьмете ль букетик чампаки или зеленый вьюнок?
Прекрасен и мягок каждый их лепесток».

НАТТРИНЕИ 99

О красавица простодушная! Ты сказала:
«Вот, наступил сезон, когда обещали вернуться
Те, кто прошел горячей бесплодной землей, внушающей страх,
Где сверкающей зной обволакивает, как покрывало,
Пустынную, длинную, без капли воды, дорогу».
Но это лишь туча шальная, брющая влагой, выпитой в море,
Забывшись и напряженья не выдержав, ливнем пролилась.
Подавам же, кондрей и кандалей, поверив чуду,
Радостно сердцем затрепетали: «Это сезон дождей!» —
И глупые, заповели повсюду.

КУРУНТОХЕИ 108

Когда коровы (чьи хозяева живут
В селеньях на холмах) бредут к своим телятам,
То безупречно белый цвет жасмина, что раскрылся
На свежелистных стебелках в лесу,
Окрасивается багрянцем неба.
Подруга, я такой разлуки не снесу.

О черная туча, начавшая новый сезон дождей,
 Который дорогою сумерек смутных пришел,
 Чтоб в чаше, захахней от зноя, раскрылись цветы
 Пылавам, влекущие жажущих пчел,
 Подобные стайкам девушек с веночками в волосах! —
 Знаешь ли ты, что с ним? Когда он придет? Дай ответ.
 Пристало ли благородному долго отсутствовать? Нет!
 Змеи и те, в замешательстве под шумящей водой
 Вытянувшись и грома боясь, капюшоны сжимают.
 Он же, достойный, смягчиться не хочет душой,
 И потому мне не сладостен голос громовый твой!

НАТТРИНЕЙ 248

Зеленые медуханнне завязи в мелкобутончатых купах муллей,
 Напоминающих бурю, всю в морщинах, морду слона,
 Распускаются на прохладных ветвях, час от часу хорошея.
 «Ливнеобильный сезон дождей — пора возвращенья», — сказал он.
 Неужто теперь помутится мой разум,
 Словно у глухих павлинов, радостной пляской
 Приветствующих удары обманные грома,
 Которые наперекор природе ты производишь, чтоб муча
 Сердце мое, видеть муку его, — живи, о туча!

НАТТРИНЕЙ 381

Говорят, что страдания — свидетельство истинности любви,
 Так что хоть я и избегла смерти, но не лишилась доли любовной:
 Сердцем, непрестанно трепещущим, словно
 Красиво повисшие корни дерева манго в лесу
 Над рекой, которая берег подмыть стремится,
 Как я страдания разлуки перенесу —
 Если туча, дожди начавшая, ныне стала достойна хвалы,
 Будто место, где, сердцем щедр, раздает колесницы,
 За что и увеичивается повсюду сверкающей славой
 Недуман Аньджи, владелец могучих слонов с поступью величавой?

АХАНАНУРУ 364

Когда громоносная туча, нагрянув и стороны света застлала,
 Прольется, обильная струями, — полетит из канав
 Крик полосатых лягушек, как бой барабанов с поляны для танцев;
 Красотою сияет кондрей, чьих соцветий гилянды
 Напоминают подвески из чистого золота в чаще лесной;
 Приподнимает тондры головки цветка-фонаря;
 Расцветает вкруг дома муллей; звери сходятся на водопой
 У рассвета, наполненных свежей водой, —
 Начинается время дождей: мой любимый
 В шумном стане горячего гневом царя
 Весь в мечтах о победе, о нас же не вспоминает.
 Как, подруга, тут быть?
 Бурное время вечера нелегко переплыть,
 Если, словно убийство замысливший, он наступает.

АХАНАНУРУ 4

Острокоенные выпускает бутоны муллей,
 Нежностеблистые — раскрывают чилибуха и кондрей,
 Самца антилон с рогами, словно скрученными из железа,
 Скачут по гальке в низинах, полных воды,
 Все более радостны дали цветущих полей,
 Покрытое тучами небо брызнуло быстрыми каплями,
 И лес, чьи заросли ныне стали красивы,
 Сделало лесом сезона дождей.
 Поющие, словно струны, поводья опущены,
 И у коней развезаются и подлетают гривы
 При каждом потряхивании головы.
 Славный возникчий подвязал язык колокольчика
 Из боязни спугнуть собирающих мед
 Пчел, друг с дружкой летящих средь цветущей листвы.
 Глади же! сейчас придет властитель страны холмов,
 Вспомнив о благе всехвального, которым являешься ты,
 Украшенная браслетами и душистая, как цветы
 Кандаля, чей аромат только что нежно пахнул
 В высоких горах к востоку от Урейбура,
 Откуда доносится праздничный гул.

Прекраснобоя, одна, в своем селенье
 Глухие ночи росные проводит,
 Когда на юг туч ливневых движенье
 Как бы сдвигает с шири неба кожуру,
 И открывается на севере к утру
 Туман, в котором гаснет блеск лучей,
 Кончая месяц тай дождей прохладных,
 От чьей красивой пыли расцветают
 Еще закрытые бутоны пахандрей,
 Напоминающие скрученным цветком
 Верх раковины, срезанный клинком
 Того из брахманов, кто жертвы не приносит.
 А я, я — в стане гневом сильного царя,
 Чье войско сон свалил, а сам он вынул
 Меч мощной дланью и назад не прячет,
 В ножи, под барабанный бой, похожий
 На то, как ливень стрел стучит в щиты из кожи,
 Скрепленной гибкими ветвями, и под звон
 Длинноязычных колокольцев на слонах
 С глазами маленькими, с бивнями, которых
 Ступились острия от нападенья
 На мощные ворота крепостей,
 Когда крошатся при ударах украшения.

АХАНАНУРУ 174

Не знает она, что мы скоро приедем, вдали оставив
 Гром барабанов, которые били, героев прославив
 В час награждения цветками из золога, словно бы говоря:
 «Непреходяща победа для тех, кто обладает счастьем
 Одолея, оружие взяв, взявших оружие —
 На поле битвы, где противостали два великих царя».
 Когда старые плечи листвою одевает муллей прямопрутый,
 Каково тогда той, чья кожа покрыта
 Скормным цветом разлуки, кто при каждом ударе грома
 Из ливневых туч, гремющих в утренней части неба,
 Все больше впадает в отчаянье, все больше на нас сердита
 И, темнотелая, легкими мерит шажками
 Широкий песчаный двор прекрасного дома,
 И тело ее, цветущее безупречными метками роднянок, —
 Словно вѣнгей благоуханный с раскрывшимися цветами.

Взбирающиеся по склонам к вершинам гор медоносных
 Цветы серебристые кустов мусундрей редколистых,
 Раскрывшись, сияют роскошно, как звездное небо в полночь,
 Когда пастух с корзинкой из листьев кокосовой пальмы
 В венке из цветов муллея и тондри прохладно-душистых,
 Так что кружатся пчелы над его головой,
 Собрав ягнят, греет руки над тлеющей головней, —
 Здесь, в этом лесистом краю пашен трудноподъемных,
 Где смешиваются крики протяжные юрких шакалов,
 Преследующих в просторах кромешно-темных
 Большую семью кабанов, чьи сверкают глаза,
 Со звуками черных рогов, в которые для остротки
 В полях караульщики дуют, — находится здесь селенье
 Изящно украшенной, с черными прядями пышных волос,
 Той, что полна любви и нетерпенья.

НАТРИНЕЙ 81

Чтоб затряслись колокольцы на шеях коней длинногривых,
 Доблестных в деле, царем пенных,
 С крепкими, в скачке не оступающимися ногами,
 Рукущихся к стойлам так, что сжимается ширь земли, —
 Запрягай, колесницу, возничий,
 Чтоб видеть улыбку сладостную мы могли
 Темнотелой прекрасной женщины, что лишается сил,
 Жаждая обновленья
 Красоты и рыдая так, что кончики дивных грудей
 Вздрагивают, колебля ниспадающие украшения, —
 Спеши, ибо царь, гордый мощью, свой воинственный гнев
 Охладил.

АХАНАНУРУ 224

Возничий, погонай! Час темноты настал.
 Искусно надо натянуть поводья,
 Чтоб, крепконогие, как ветер мчались кони,
 Ярмо на шеях, и дыханье жарко —
 Как будто яростно кузнец мехи качает,
 И пена, белая и чистая, как масло,

Всплывающее в пахтае молочном,
В нить паутины истончася, стекает
И обрывается; сандаловая мазь
На их груди засохла; лоси в страхе
Вприпрыжку убегают в лес, обретший
После жары красу, ласкающую взгляд;
Сверкающие спицами колеса
Врезают почву и в песок въезжают с шумом,
Подобным шуму мельницы ручной,
В которой зерна жареного риса
Скукожившегося хозяйка дома,
Достойная лишь жалости, а прежде
Изысканно украшенная, мелет,
Блестящие браслеты поправляя,
И, озирая вновь и вновь просторный дом:
«Подруга,— шепчет,— где опора нашей жизни?»

АХАНАНУРУ 93

Коль мужеских сил, стремлений и желания хватит —
Чтоб ради дружбы с соседями и пропитанья семьи
И избавления близких от угрожающей бедности,
Нам, воюющим ныне за прекрасные драгоценности,
Подобные недоступностью Урандею (где заседает
Поддерживающий дхарму царский совет воинственных,
Гирляндами и роскошными венками украшенных Чолов),
Благополучно покончить с этим опасным делом,
Тогда-то, по возвращении, с женщиной, смуглой телом,
Которой длинные волосы черны, а лоб ароматен
(Как благовоныя дневных базаров Кудали —
Столицы увитого маргозой невянувшей Вáжуди,
Предводителя ярой армии, крепости покорявшей),
В доме, небес касающемся, подобьем горы с пещерами,
На постели, которую скрыли, как пена, цветы,
При сиянье светильников длиннопламенных с высоты,
Так, чтобы украшения оставили множество вмятин
На нежной груди,— обнимемся (радость пошли, о сердце!),
Обнимемся больше раз, чем песчинок в Анборуней,
Прохладной реке светловодной, с высокими берегами,
С бухтою Каруавура, славной дворцом царей
Черы, гирляндой увитых, чьи длинные колесницы,
Чьи яростные слоны, с хоботом страшным, громадны

И богу смерти подобны, когда в ошьянении течки
Рева и взрывава землю, исполосованнолобые,
Они хватают людей, стремительны и беспощадны.

АХАНАНУРУ 184

Не только исполненной блага женщине, обладающей
Божественной добродетелью и многохвальнойм достоинством
Рождения сына, светильника рода, но также и мне
Сладостно ныне. Да будет жизнь твоя процветающей!
Наполнив душу величьем свершенных подвигов,
Позади ты оставил чащу с жужжанием пчел,
Где издавам серебристый расцвет,
Где с ангилопой пятнистой своей
Бродит прекрасный самец, чьи рога изысканно гнуты,
Они пьют чистую воду и губят дыханьем
Сняющий полностью цветенья муллей,
В сплетенных ветвях которого прячется короткопрутый,
Короткошипый кáлли.
Народ, на полях приближающий моггами сорняки,
Напившись пальмового вина, веселится.
И в час, когда небо побагровело,
Ибо лучи уходящего солнца тусклыми стали,
Звенят колокольцы в гирляндах, и быстрая колесница
Шумит, как бегущий меж скал ручеек сверсравный.
И вот ты приехал, о господин достославный!

КУРУНТОХЕЙ 270

Висящую тьму рассекая, сверкая, роняя
Брызги прохладно-сладостные, стуча, громыхая
И, как под ударами барабан, рокоча могуче,
Льющая дождь — да живи, о громадная туча!
Мы, дело задуманное свершив, душой возвеличась,
Ту, которую сладостно возжелали,
Ту, чьи мягкие волосы благоухают
Цветком кувалей короткостеблистым,— в объятиях сжали.

ТИРУМУРУГАТТРУПАДЕЙ

[*Тируппарангундрам*]

Он — ярко сверкающий свет, никогда не гасимый,
Видимый издалека, как многовальное солнце,
Из моря, вращаясь вправо, встающее миру на радость;
Он — поправший неведение столой, приближенными чтимой,
А руками, как молниями, поразивший врагов;
Он — муж ясноликой с челом чистоты безупречной;
Он — увитый гириландой из скручивающихся цветов
Кадамбы толстовольной, столь пышно цветущей, что
мраком.

Наполнена чаща, прохладой дышащая под неусмным
Первым ливнем, летящим с небес, расколотых блеском,
Из туч, беременных влагой, начерпанной в море темном.
И вот, в поднебесных горах, поросших высоким бамбуком, —
Бамбуковолоче, округлобедрые, с гибким станом,
С браслетами над ярко-красною узкой столою,
В одеждах не крашенных, но кошенильно-багровых
И с пояском — из нитей камней драгоценных — над лоном;
Чарующие красотою нерукопворной;
Сверкающие украшениями из золота чистого навалъ;
С безукоризненным телом, свет излучающим дальний;
Вложившие в волосы влажные, расчесанные изящно,
Маленькие лепестки красночеренковых ветчи
И чистые лепестки зеленостебельных лилий;
Осенившие голову орнаментом, как у Лахми,
И прической, как раковина, закручивающаяся вправо;
Нанесшие тилак на лоб, благоухающий медом;
Подвесившие к ушам украшения в виде макар,ы,
К пучку же локонов ровных — цветы прохладные чампаки;
Осыпавшие себя соцветьями ярких ма́рудам,
Чьи внутри столь нежны цветочные темные чашечки;
Набросившие на грудь в драгоценностях тонких
Гириланды бутонов красных с красивых ветвей подводных;
Заложившие за ушные раковины асбук,

Побеги которой под стать прелестным ушам сияют;
Покрывшие пастой, нагертой из твердых кусков садала,
Душистого, как цветок ма́рудам медоточивый,
Юные свои груди, подобные свитым бутонам ко́нгу;
Натершие тонкой пылью цветущего венгеа кожу;
Разбрасывающие ветвь за ветвью вилу, влекущую взоры;
Победоносный флаг с петухом, устремившимся в битву,
Славящие восклицаньями: «Да живи долго!» —

Так потот, чтобы полнились эхом Благие горы,
И пляшут под недоступными для обезьян деревьями
Небесные девы

Средь покрывшего горный склон кандала огнецветного,
Из чих не тронутых пчелами соцветий слетён

Прохладный венок, который возложил на голову — он,
Он — держащий копьё, которым вступивший в холодный
Окружающий землю океан многоводный
Сур был сражен.

И пока колтуноволосые, зияющеротые,

бесформеннозубые,
Чьих вертящихся глаз взгляд зеленый мучителен,
Обвешанные злыми змеями и совами пучеглазыми,
Задевающие ушными мочками свои груди висящие,
Демоницы шершавобрюхие, устрашающе колченогие,
Держа в огромных руках, поблескивающих браслетами,
Зловонные черные головы, глаза которых, когтистыми
Кривыми, кровавыми пальцами выковыренные, проглочены;
Угрожающе воспевая поле битвы убийственной,
Плечами и ртом трупоядным дергаясь, пляшут ту́нангей, —
Он — с алым копьём, неослабно хвалимый сын
Силы победной, сразил дерево манго в цвету,
Первое для аунáров, хранившее мощь их власти,
И в страшном гневе рассек того на раздельные части,
Кто был двузначен обличьем, притом что телом един.

И если к его, победителя, столам устремленной душою
Ради познания мудрости и приверженности ко благу
Ты в путь пожелаешь пуститься, то сладостных сук желаний
Твоих, что во многих телах таились, исполнится тотчас —
Тогда ты вкусишь плоды предшествующих деяний.

Иди же туда, где висят длинный военный флаг,
Кукла и мяч лоскутный на воротах близ улиц торговых,
Чуждых кровопролитию, приятных богине благ,
В богатой домами Ма́дуре, к западу от которой
На темногрязевом поле в коллочестебельных лотосах

Спят до зари, а потом гудят над пьянящим нёйдалем
Прелестнокрылые пчелы, росем пестрым летя
К сияющему на солнце цветам ручьев холму,
Пребывать на котором присуще е м у. [И далее.]

{*Тируччиралаивай*}

Его, мчащегося на безудержном, словно ветер, слоне,
Чей лоб, в шрамах от колпиг, вознившихся на войне,
Прикрыт пластиной колеблющейся и гирияндой невянущей;
От чьей поступи тяжкой трясется, звеня, колокольцы;
Чьей мощи, как богу смерти, нельзя противостоять;
Его — в короне, на коей неодинаковых пять
Украшений и камни, соперничающие красотой,
Так что чело обретае величье в их молниим блеске;
Его — чья изящно качающиеся золотые подвески
Со свисающими самоцветами мерцают, сверкая как звезды,
Окружающие луну, свет которой виден повсюду;
Его, пребывающего в сердцах тех, чьи труды по своей
Природе неуничтожимы, — испускает потоки лучей
(Чтоб мир очистить от скверны, чтобы не было в мире темно)
Его, светлоликого, одно лицо; еще одно,
Когда его славят исполненные любви
И радости, одаряет благодеяньями; еще одно,
Дабы не было отклонений от правил при чтении мантр,
Прислушивается к брахманам, жертву творящим; еще одно
Смыслы, при этом сокрытые, сосредоточенно ищет
И, как луна, освещает стороны света; еще одно,
В непрекращающейся войне уничтожая врагов,
Жертву приносит в гнев на поле битвы; еще одно
Радуется общению с Вáлли: дочь куравáров юна,
Стан ее — словно лиана, постуль ее — скромна.

И как согласно порядку каждое из трижды двух лиц
Ведет себя, так из рук, подъявляющих и опускающих
Копье, лучезарное, слабое, врагов повергавшее ниц,
Из рук, на грудь под гирияндой нанесших красивые полосы.
Из рук тех одна указывает на ведцев, которым дана
Способность движенья по воздуху; на стане — еще одна
Лежит; на укравших бедро одежде — еще одна;
Анкуш — в еще одной; две другие вращают
Вправо копы и диск огромный; еще одна
К груди прижата, сверкает; еще одна
Вместе с гирияндой цветет; еще одна,

С ниспадающими браслетами, поднята вверх; еще одна
Держит сладостнозвучные колокольчики; еще одна
Льет дождевые обильные струи с небес; еще одна
Небесных дев украшает свадебною гирияндой; —
Так действуют все двенадцать рук, по-своему каждая.
Гремят литары небесные; ввысь поднятые трубят
Крепкие трубы; белые раковины гудят;
Под бой барабанов, как гром ревущих, павлин орет,
Многопятнистый с победного знамени, — таково
Задуманное как быстрый по воздуху перелет
В прославленный на весь мир, достохвальный Алексей
Непрекращающееся прибытие его. [И далее.]

{*Тируваиванангуди*}

В одеждах, шитых из лыка; с серебристо-седым узлом,
В виде закрученной вправо раковины, на голове;
С сияющим безупречной чистотою челом;
Ангильпшей шкурой укрыв иссохшую грудь;
Исхудавшие стопы, что кости при ходьбе выпирают из тел;
Не вспоминающие по многу дней про еду;
Ярость уничтожающие разумом и вражду;
Ведающие и то, что не открыто умам;
Где знанью положен предел, первенствующие и там;
Обладающие природой, губительной для тревог,
Так что любая страсть и гнев пропадают втуне; —
С видом бесстрастным и удовлетворенным — впереди
выступают муни.

В одеждах безукоризненно чистых, как белый дым,
Гирияндой из распускающихся цветов украсив грудь,
Теша сердце столь тонко настроенным йалем благим,
Что слуху и изощренному приятен его напев,
Касаются сладких струн гандхарвы нежноголосоые,
Блистающие безызыанной красой в окружении дев,
Чья плоть по своей природе не знает боли,
Чья цветом подобна побегам манговым кожа
В родимых пятнышках, вспыхивающих огоньками
Золотыми при ярком свете, — дев, улыбками
Сладостными дарящих и сверкающих поясками —
Из нитей камней драгоценных — над лонами гибкими.
Изогнутокрылую, пеструю, разящую сильных змей,
Чьи белые зубы содержат в узких канальцах яд,

А устрашающий выдох, как огонь, оставляет ожог,
Птицу на длинном знамени подымающий бог;
Знамя с белым быком множеством рук отклоняющий
Вправо, умой слепящий, немитающий третьим глазом,
Три крепости сокрушивший, полный ярости бог;
Тысячеокий, скопивший от сотен жертвоприношений
Губительную для врагов победу силу,
На шею слона, задравшего огромный висячий хобот,
Вздымающего две пары бивней, ступающего величаво,
Восседающий, славный красою и процветанием бог; —
Так вот: явившись с единственным замыслом охранить
Мир потревоженный с храмами четырех величайших,
Они, чтобы вновь тремя первочтимыми стать, все три
Обращаются к четырехликому, рожденному в лотосе,
Имеющему нескончаемые эпохи существования;
И возникает чуждое вражды и раздоров зрелище
Тридцати трех богов, пребывающих в четырех естественных
разносвойственных,
И всемнадцать тех, чье столь высоко состояние:
Их появление — как возгорание звезд,
Как к звездам взлетает вихрь — так двгаются они,
Как в вихре вспышка огня — такова их мощь,
Как при вспышке громовый удар — их голос таков;
И, дабы видеть летящих по воздуху их — за тем,
Чтоб прежний вернул он порядок, понесший столь злой урон,
С женщиной безупречного поведения и чистоты
Несколько дней проводит в Авинангуди он. [И далее:]

[*Триуверсам*]

Там, где, держась обычая свершать дважды три обязанности,
Отпрыски древних родов, где чтут обоих родителей,
Проведшие сорок и восемь благодатных лет юности
Праведно и исполняя предписания добродетели,
Владеющие богатством трех огней трех разновидностей,
Дваждырожденные — пронзены в нужный срок заклинанья,
Во влажных после омовения одеждах, на теле сохнувших,
С трехрядным тонким шнуром, из девяти нитей скрученным,
Руки то воздевая, то складывая в знак почитания,
Славят его, распевая шестисложную мантру
Со смыслом глубоководным, неслышную никому,
И поднимают цветы душистые и радуются премного —
Там, в Брагам, пребыванье присуще ему. [И далее:]

[*Пляски на каждом холме*]

Он, копыносец, в венке из зеленых стеблей,
Плодами благоухающих, с перцем пышнобутонным
Сплетенных, с жасмином диким и с серебристым пасленом,
Когда люди лесные, чей труд — убенье с помощью лука,
Грудь нагеров ароматной яркой сандаловой пастой,
От хмельного напитка, созревшего в трубка бамбука,
Развеселившись, с родичами в маленьких горных селениях,
Сходятся в куравей-танце под мерный бой барабаччиков.

Он, с этого племени девами в венках, окруженных пчелами,
Сплетенных из распустившихся в глубоких горных источниках
Цветах, от прикосновения ароматы своих изливающих,
В гирляндах, украсивших волосы, и в ладных прохладных юбочках,
Из листвы базилика сплетенных попеременно с белыми
Красностебельными соцветьями кадамбы, пчел пояцими,
Укрывших лоно, увитое нитями камней драгоценных, —
С девами, что, как павлины, ходят шагами несмелыми,

Он, красный, в одеждах красных, красноствольной асоки
Качающийся прохладные побег вдевший в уши,
Надевший ножные браслеты, поля, венки из ветви,
Поднимающий знамя с пегухом безупречным, высоким,
Укрывший плечи браслетами, с козлом и павлином у ног,
Подпоясанный так, чтоб держалось скрепленное сбому
Прохладное, нежнодушистое, ниспадающее одеянье,
Под звуки множества маленьких музыкальных орудий,
Флейт, рога и голосов, сладких, как струн звучанье, —
Танцует, легко поднимая руками их, нежноплечих,
На антилопию стайку похожих, стремясь привлечь их
К себе, уступая им место, танцует он — таково
На каждом холме проявление непрекращающееся его. [И далее:]

[*Пажамудирсолей*]

Там, где, начавшись с разбрасыванья цветов и зерен чумизы,
С закапанья козла и подъяема знамени с пегухом,
В каждом селе справляются великопелные праздники,
Везде, где с ним пребывают ревнующие о нем,
На полянах, расчищенных для безумного танца вѣлана,
В рощах, в лесах, на скрещеньях и на развилках дорог,
На островках прелестных, в водах озер и ручьев,
Во многих других обиталищах, в снова зацветшей кадамбе,

В местах собраний под деревом, на площадях, у столбов;

Там, где славное знамя укрепив, умастив его
Маслом с горичным семенем, заклинанья шепча,
Поклонившись почитательно, щедро рассыпав цветы,
Две окрашенных разно одежды надев, повязав
Вкруг кисти красную нить, зерна жареные разбросав,
Кровь козла крепконогот, обильного туком, смешав
С чистым рисом, комочки слепленные раскидав,
Благовонья развезв, бросив горсти шафранных плодов,
Гирляды благоухающие раскрытых прохладных цветов
Обрезав одна к одной и на себя возложив,
Святилища на отрогах теснившихся восхвалив,
Дым воскурив душастых, кўриньджи песнь запев
Под звучанье сладостных струн и гремющих ручьев,
Рассеяв цветы прекрасные, зерна чумизы рассыпав,
С кровью ужасной смешанные, красные,— дочь курава́ров,
Приготовив для Мўругу музыку, чтоб испугались
ослушники,
В святилище устрашающем, путь к Мўругу указуящем,
Запела, поляну шумом оглашая, во многие
Трубы начав дудеть и трясти колокольцами,
Павлина могучего слава, —

повсюду, где

Просияние и получающие идут к нему на поклон,
И там, и здесь, и везде обретаются он.

И то, что достойно видеть, там, и здесь, и везде
Когда пред собой увидишь, руки смиренно сложи,

Лицо успокой, восхвали его, пади к ногам и скажи:
«В озере с д´арбаха-гравой в высоких горах

Принятый на руки одного из пяти,

О рожденный шестью бог в шести естествах!

Бога, сидящего под баньяном,— сын!

Дочери темных гор — сын! Для врагов — бог смерти!

Коттравей, богини войны победной,— дитя!

Древней, украшениями славящейся,— отпрыск!

Гнутолукого воинства небожителей — предводитель!

Гирляндогрудий! Мудрец, обладающий знаньем!

Первый в сражении! Герой, в битвах могучий!

Сокровище брахманов! Красноречья всеведцев обитель!

Женщин прекрасных супруг! Средь многочисленных — бык!

О с копытенной рукою великий бог!

Наделенный победной мощью, гору рассекшей,

Края кўриньджи — гор поднебесных — властитель!

Средь многохвальных благоречивых поэтов — лев!
В труднодоступном искусстве знатный именем Муруган!
Славный тем, что стремящихся к тебе — удовлетворишь!

О одаряющий страждущих, весь в золоте повелитель!

Простителей услаивающий Высокий Юноша!

Великим всехвалю именуемый бог!

Для рода Сура губительная, избильная мощь!

Повелеватель! Воитель!»

Так беспрестанно хвалу вознося как умою,

Я — поскольку познать тебя трудно, неизмеримый, —

Просто притек к подножью стоп твоих,

О обладающий мудростью и ни с чем не сравнимый!» —

Едва лишь подумаешь так, произнести не успею,

Как появится множество карликов в разных обличьях

На поляне предпраздничной, ей вид избилья придав:

«О великий, достоин милости мудрый проситель,
Который явился, щедрости славной твоей возжелав!» —

Также, среди многих похвал, они изрекут слова;

И — ослепляя мощью, достойною божества,

Он сам, до небес вырастая; приближаясь; таё

Свой чреватый мучениями образ высокоий; а древний

Свой образ, благоухающий юной красою, явив:

«Страх отгони, пришелец! Цель мне известна твоя!» —

Эту благую речь с любовью проговорив,

Тебе, чтоб лишь ты избенул гибели в мире, когорый

Океаном трехводным темнеющим окружен,

Трудный для обретения дар пожелает он,

Он — властвующий над горами, с которых меж древних
рощ

Потоки бегут, трепещущие, как полотно знамен,

Несущие ахил, трясущие толстоствольный сандал,

По цветущим ветвям и корням ударяющие бамбук,

Раздробляющие множество слеplенных близ вершин

Увлекающие теченьем мякоть хлебных плодов

И множество с дерева лўнней падающих цветов;

Заставляющие дрожать черных лицом обезьян

И мерзнуть пятнистолюбых слоних; а больших слонов

Поверх прычущих жемчуг бивней покрывающие водой

Ослепительные; выбрасывающих золотой и сапфир

Сокрушающих толстые банановые стволы

И быющих о берет так, что с кокосовых пальм
Срываются грозди полных свежего сока плодов,
Соцветья черные перца склоняются на ветвях,
Павлины, чей хвост пятнист и постуль скромна,
И крепконогие куры лесные в испуге бегут,
Щепчатый пальм черные медведи, чья шкура — как ствол
В раселинах скал высоких прячутся кто куда,
Долгим гулом наполнив горы, стремится ниспасть,
И вот: страну эту горную его осеняет власть!

КОММЕНТАРИИ

Переводы выполнены по следующим изданиям текстов: Аханануру, Комментарий Н. М. Венгадасами Наттара и Р. Венгаласалам Пиллей, Тирунелвели — Мадрас, 1961; Курунгохей, Комментарий У. В. Сваминахандяра, Мадрас, 1955; Наттриней, Тирунелвели — Мадрас, 1954; Пагупплатту, Комментарий П. В. Сомасундаранара, Ч. 1—2, Тирунелвели — Мадрас, 1962; Пуранануру, Комментарий У. В. Сваминахандяра, Мадрас, 1971.

Названия антологий приводятся в сокращении: «Аханануру» — АН, «Курунгохей» — КТ, «Наттриней» — НТ, «Пуранануру» — ПН.

ПОЭЗИЯ ПУРАМ

ПН 312. Поэт Понмудияр вкладывает в уста женщины из рода воинов слова, выражающие героический идеал древнетамильского общества.

ПН 22. Поэт Курунгожиёр Кижар, воспевая Мандараму Чералирумборёя, царя Черы, сравнивает его страну с опломным военным лагерем.

куравей — танец, широко распространенный на юге Индии; танцующие, двигаясь по кругу, кладут руки друг другу на плечи.

ПН 26. Мангуди Кижар (Мангуди Маруданар) восхваляет пандийского царя Недунджежняна, разгромившего в битве при Тадейалангаламе (Аланганаме) объединенные армии царей Чолы, Черы и нескольких мелких властителей (нач. III в. н. э.).

Сежиан — это имя означает «процветающий» (*Недунджежиян* — «долго процветающий»). Царю посвящено много стихотворений различных поэтов и поэма «Мадураикканьджи», а также, как полагают, поэма «Недундальвадей».

Недунджежнян был покровителем поэтов и сам сочинял стихи. Ему приписывается стихотворение ПН 72.

В настоящем стихотворении царь описывается как свершивший «жертвоприношение битвы» по древнему местному обычаю и в то же время принесший жертвы по арийскому образцу под руководством «первых в четырех Ведах», т. е. брахманов.

Веды — древнейшие священные книги индийцев.

...жить будут в мире том — т. е. в мире погибших героев.

ПН 18. Кудалулавиянар дает мудрый совет царю Недунджежияну.

трехводный океан — распространенный в тамильской поэзии образ. Океан состоит из вод неба (дождь), земли (реки, ручьи) и своих собственных.

ПН 34. Алатур Кижар обращается к Килли Валавану, царю Чолы, известному своими победами над царями Черы и павшему в сражении при Куламуттрам. «Валаван» — эпитет, означающий того, кто проливает, богат, щедр. В ПН ему посвящено 18 стихотворений, одно (173) приписывается ему самому.

...утверждается *дхармой* — букв. «поется дхармой (или о дхарме)». Возможно, здесь имеются в виду строки из дидактического сборника «Гируккурам» (110):

Полувившему благо любое — найдется спасение,
но спасения нет

Полувившему благо даainya.

В данном контексте целесообразно процитировать пояснение английского индолога А. Бэшама: «(Дхарма) означает установленную божеством норму благочестивого поведения, варьирующуюся согласно сословию и касте... Возлагаемая на царя обязанность охранять подданных относилась прежде всего к охране дхармы, и как ее хранитель царь считался ее воплощением» (А. Бэшем. Чудо, котормы была Индия. М., 1977, с. 122—123).

ПН 41. Ковур Кижар воспевает Килли Валавана.
ПН 50. Мосикиранар поет о царе Черы Перунджерале Ирумборе.

ПН 105. Кабилар воспевает тамильского князя Пари и его владения на холмах Парамбу. Паря — один из семи знаменитых тамильских «щедрых покровителей» (Пари, Кари, Ори, Адиян, или Ежины, Пекан, Ай, Налли), известных по стихам антологий и поэм. Его бескорыстие, щедрость и доброта приобрели легендарное значение. С именем Паря неразрывно связано творчество поэта Кабилара, брахмана по рождению. Кабилару принадлежат целый ряд стихотворений в антологиях и поэма «Куринджипатту». Кабилар вел бродячий образ жизни, пел панегирики многим царям, но, встретив Паря, остался при нем и воспевал только его. Их взаимоотношения переросли в дружбу, и когда Паря погиб, защищая свою горную крепость от выступивших против него армий царей Черы, Чолы и Пандья, Кабилар взял на себя заботу о двух дочерях Паря, которму он обещал выдать их замуж.

Стихотворение имеет форму «аттруппадей» («наставление на путь к благодетелю»). В данном случае поэт обращается к вирали, странствующей поэтессе и музыканту.

ПН 70. Ковур Кижар в стихотворении типа аттруппадей воспевает Килли Валавана, царя Чолы.

на» обязан своим происхождением пятну в виде круга в центре ударной поверхности барабана. Этот круг — след специальной пасты, нанесенной для лучшего звучания инструмента.

оба вида *целебного снадобья* — здесь подразумеваются вода и рис.

ПН 164. Перунгалей Саттанар воспевает Кумана, одного из тамильских князей, прославившегося своей щедростью.

ПН 175. Каллиль Аттирейанар обращается к Аданунгану, правителю небольшого княжества в горах Венгада. В последних строках стихотворения, по-видимому, подразумеваются проходы в этих горах, через которые проникали в Южную Индию войска севериндийской династии Маурьев.

ПН 204. Стихотворение посвящено Ори (или Вальвиль Ори — «сильнодулкий Ори»), правителю небольшого княжества в горах Колла на территории царства Черы. Имя автора неизвестно, прозвище его — «Кажеттин Ианейяр», т. е. «Тот, кому принадлежит [строка]: слон, поседающий бамбуки».

...визит птиц и сроки — сетует на плохие приметы или предсказания, в которых большую роль играли птицы, и на неблагоприятные времена.

ПН 228. Поэт Анор Мудаванар («Хромой из Анора») рассказывает о похоронах царя Чолы Килли Валавана. Подразаумевается положение тела в урну с крышкой, один из способов захоронения умерших в древней Южной Индии. Существовали и другие способы захоронения: сжигание, оставление на съедение животным, погребение в могиле, помещение тела в каменные склепы (дольмены).

Семьян — династийное имя Чолов.

Мадурайкканьджи

«Канджи» — одна из тематических разновидностей поэзии Пуррам, поэма, в которой содержится благой, мудрый совет (см. ПН 18). Таким образом, название данной поэмы из собрания «Паттуппатту» можно перенести как «Благой совет в Мадурани», а если расширить его в соответствии с содержанием поэмы, то оно будет звучать так: «Благой совет царю династии Пандья Недунджежиану, данный ему в Мадурани, столице пандийского царства». Создатель поэмы, поэт Мангуди Мадуранар, большую ее часть посвятил описанию и прославлению Мадуранар, прилегающих к ней земель.

О Недунджежине см. примеч. к ПН 26.
Тройные воды — см. примеч. к ПН 18.

...дугой ветры вправо... — правая сторона считалась благой, поэтому выражения, подобные этому, нередки в поэзии: ветры дугой вправо; туча, вздымаясь, забирает вправо. Так же раковина с линиями, закрученными вправо, встречаемая довольно редко, приносит удачу. ...слоны высятся величаво, им легко поддерживать землю — слоны, поддерживающие землю, — образ, взятый из севериндийской мифологии. Здесь поэт подчеркивает величие царской власти.

тумангей — экзотический танец, исполнявшийся во время празднеств, в ознаменование побед, при поклонении богине победы Коттавай.

Древний бог, Южанин — Шива, культ которого распространен на юге Индии.

два царя — цари Черы и Чолы.

...Недийона, который стране помог даянем земли... — здесь говорится о том, что Недийон, один из царей династии Пандья, расширил свои владения. Средневековый тамильский комментатор Ничинаркиннар считает, что здесь речь идет о Вишну. Недийон — букв. «высокий», «длинный», один из эпитетов Вишну, но так иногда называют и Шиву

«Рисовая обитель» — Неллур, или Салиур, букв. «город риса» — порт в царстве Пандья.

кижары — приспособления для подъема воды на поля с корзинками-черпаками из пальмовых листьев.

предводители Кудды — цари Черы.
Мудуселмиэй — небольшое княжество, подчиненное пандийскому царю.
...*богатеющие двояко* — т. е. за счет земледелия и торговли.
четыре земли — куринджи, муллей, марудам, нейдаль.
...*в Алачнайме их разгромивший* — см. примеч. к ПН 26.
Коркей — крупный порт в царстве Пандья, бывший когда-то его столицей.

каль — алкогольный напиток, изготовляемый из пальмового сока, риса или чумизы.
парадавары, точнее, южные парадавары — воинственное племя рыбаков.

защитные рощи — хорошо охраняемые рощи, которым придавалась сакральная роль в поддержании могущества и процветания царя. Разорение этих рощ или нанесение им ущерба (так же как и срубание защитного дерева, эмблемы царской власти) врагами означало поражение царя и его позор.

...*на древнем круге земном пребывая*... — имеется в виду «навал-твиу», или «джамбу-двина», один из семи континентов древнеиндийской мифологии.

Амрита — мифический напиток бессмертия.

Ванан — асура Вана, приверженец Шивы; асуры — в древнеиндийской мифологии соперники богов.

тодди — алкогольный напиток, приготовляемый из сока пальмовой пальмы.

Парангундрам — гора близ Мадурай, где расположено святилище Муругана.

Велли — Венера.

велан — жрец Муругана.

Ажумбил — один из городов Черы; *Манавайральвел* — его правитель, мелкий князь.

Ананеу — 1) сакральная энергия, содержащаяся и способная накапливаться в объектах природы, предметах и человеке. Обладание ананеу приравнивается к добродетели; 2) божество.

Кружатся, яростью исполняясь под гудение раковин... слыны... Ветер напоминает аллюром дои... И шаг вывихших каль воинов-пехотинцев Воинстеен... — описаны древнеиндийские четыре рода войск: слоны, колесницы, конница, пехота.

...*в день омовенья водой, праздника день седьмой*... — существовал обычай праздновать седьмой после полнолуния день, совершать, когда он наступал, торжественное омовение. Праздник сопровождался прославлением царя и его побед.

Боевым топором обладающий, первенствующий Высокий... — здесь: Шива.

...*поклоняются... Богу, прославившемуся защитой людей* — имеется в виду Будда или Вишну.

Где аскезу свершающие поклоняются средь курений... и до *Высших* эти обители громадой теснящихся гор — описание джайнских храмов.

кавиди — по-видимому, сборщики налогов.

Моэир — столица небольшого княжества под предводительством Паженяна.

касары — воинственное племя на северо-западе тамильского юга

Индии, в районе гор Западных Гхат. Об их происхождении достоверно ничего неизвестно. Четырехязычными их называют, вероятно, потому, что они говорили на четырех языках (диалектах) — тамильском, телугу, тулу, каннада. Косары славились необыкновенной прямоот и правдивостью.

советники четырех разрядов — возможно, имеются в виду министры, полководцы, посланники, согляддатан.

царь приморской страны — царь Черы.

Онам — праздник, отмечаемый в Южной Индии, особенно на Малабаре, т. е. в Керале. Связан со следующим мифологическим эпизодом: царь асуров Бали (или Махабали) своим справедливым правлением приобрел могущество, которое стало угрожать благополучию богов. Тогда *Майон* (Вишну) явился к нему в облике карлика Ваманы и попросил три шага земли. Царь согласился, после чего Вишну мгновенно вырос и сделал три шага, одним из которых охватил землю, другим — небо, а с третьим шагом поставил ногу на Бали и низвергнул его в преисподнюю. По просьбе народа, однако, Бали было разрешено являться к своим подданным раз в году. Этот день и отмечается праздником *Онам*.

авундэры — тамильское наименование демонов.

севважи — вечерняя мелодия, исполняемая на йале.

кйрваль — первая струна йала.

чайлани — женщина-прорицательница.

обладатель колья острейшего — велан, жрец Муругана.

Высокий Юноша — Муруган.

Нанан — правитель горного княжества в царстве Конгу на северо-западе Южной Индии. Известен своей жестокостью.

Яма — бог смерти.

марудам — здесь: одна из мелодий, исполняемых на йале.

сүйи, магаджи, вайталки — различные разряды придворных панегристов.

чакравака — одна из разновидностей уток.

Мидудури — царь, один из предков Недульджежияна.

Ниландар Тирувиаль Недийон — букв. «землю давший, с прекрасным луком Недийон»; см. примеч. на с. 81.

Мбран — пандийский царь, предок Недульджежияна.

юные косары — здесь: косарские принцы.

с теми пятью, что украшены золотом... — это место допускает различные толкования. Могут подразумеваться советники пяти разрядов: министры, военачальники, жрецы, посланники, согляддатан; или: предводители пяти небольших княжеств, подчиненные царю; может быть, поэт подразумевал пятерых Пандавов, героев эпоса «Махабхарата», поскольку существуют легенды об их едином происхождении с династией Пандьев, южноиндийских царей.

ПОЭЗИЯ АХАМ

Расположение стихотворений в этом разделе имеет целью более или менее последовательно показать развитие любовных взаимоотношений героев древнетамильской поэзии. Оно никак не соотносится с композицией антологий, носящей с этой точки зрения хаотический характер, хотя ко времени закрепления их состава (видимо,

VII—VIII вв. н. э.), вероятно, уже существовал жанр «ковей» («чепочка»), расположением стихов подразумевавший определенную линию развития их содержания.

Названия тем-тиней даются по упомянутым нами изданиям, за исключением издания КТ, где они отсутствуют. В стихотворениях КТ темь-тиней обозначены нами исхода из содержания.

КТ 40. Курирьджи. Герой обращается к любимой. Поэта называют Сембулапьянйрар, т. е. «тот, кому принадлежат слова о красной земле и дожде».

КТ 3. Курирьджи. Речь героини. Поэт Девакүлаггар.

АН 82. Курирьджи. Героиня обращается к подруге. Поэт Кабилар.

АН 48. Курирьджи. Подруга обращается к матери героини. Поэт Тантамь Мулаккоттранар.

Венгей обладает крупными золотистыми цветами, напоминающими раскраску тигра, отчего его и называют часто «тигр».

КТ 160. Курирьджи. Герой отвечает на упреки друга.

Имя поэта неизвестно.

КТ 335. Курирьджи. Подруга героини обращается к герою.

В ее словах содержится намек на труднодоступность героини. Поэт Ирунденюр Коттран Пулаван.

КТ 359. Курирьджи. Подруга обращается к героине. Поэт Кабилар.

Юбочка из листьев, которую дарит герой,— знак предложения любви.

Грозный бог — Муруган.

КТ 140. Курирьджи. Герой обращается к своему сердцу. Поэт Пуданганнанар.

АН 140. Нейдаль. Герой обращается к другу. Поэт Аммуванар.

КТ 235. Курирьджи. Герой обращается к ветру. Поэт Майндан.

АН 122. Курирьджи. Героиня обращается к подруге.

Поэт Паранар.

Тилточ — один из царей династии Чола.

охранная роцца — см. примеч. на с. 82.

КТ 152. Курирьджи. Героиня обращается к подруге. Поэт Килимангалам Кижар.

КТ 87. Курирьджи. Героиня обращается к подруге. Поэт Кабилар.

Древний бог — Муруган.

АН 22. Курирьджи. Героиня обращается к подруге. Поэт Верипадия Камакканнйар.

Родные, обеспокоенные болезненным видом героини, приглашают прорипателя — жреца Муругана, велана, чтобы выяснить причину ее недуга, который на самом деле происходит от разлуки с любимым.

Высокий Юноша — Муруган.

АН 80. Нейдаль. Подруга, обращаясь к герою, намекает на необходимость сделать явной его тайную связь с героиней, т. е. стремиться к женитьбе.

Поэт Марунгунр Кижар Перунганнанар.

АН 2. Курирьджи. Подруга героини, приглашая героя прийти на свидание с героиней ночью, одобряет их близость. В то же время в ее словах содержатся намеки на трудности тайных встреч (упоминание сторожей, яркая луна. См. АН 122) и на же-

лательность скорейшего брака героев (время цветения венгей считалось благоприятным, в том числе для свадебных обрядов). Поэт Кабилар.

КТ 348. Речь героини в разлуке. В издании антологии, по которому сделан перевод, стихотворение дано под рубрикой «нейдаль», хотя никаких признаков соответствующего ландшафта оно не содержит. Поэтесса Велиийдйар.

АН 100. Нейдаль/курирьджи. Подруга, обращаясь к герою, намекает на необходимость женитьбы, поскольку его тайная связь с героиней стала достоянием молвы. Поэт Улоччанар.

Перияч — один из мелких тамильских властителей.

АН 62. Курирьджи. Речь героя. Поэт Паранар.

пей — демоны. См. их описание на с. 29 и 71.

Пореййи — «горец», царь династии Чера. Здесь имеется в виду Сентүттуван, воздвигнувший статую Каннахи, ставшей согласно древнетамильской поэме «Повесть о браслете» богиней женской чистоты и добродетели.

КТ 24. Курирьджи. Речь героини. Поэт Паранар.

КТ 157. Курирьджи. Речь героини. Поэт Аллур Намуллей.

Комментатор отмечает, что здесь подразумевается разлука в связи с трехдневным периодом нечистоты героини, наступлением месячных, который она должна проводить в одиночестве.

КТ 326. Нейдаль/курирьджи. Героиня обращается к подруге. Имя поэта неизвестно.

КТ 240. Курирьджи. Речь героини в разлуке. Поэт Коллан Ажиси.

КТ 381. Нейдаль/курирьджи. Речь героини в разлуке.

Имя поэта неизвестно.

КТ 321. Курирьджи. Подруга обращается к героине, указывая на трудности тайной любви и побуждая ее к развиту отношению с возлюбленным и замужеству. Имя поэта неизвестно.

АН 10. Нейдаль/палей. Подруга побуждает героя к преданному побегу с героиней. Поэт Аммуванар.

Тонди — богатый морской порт в царстве Чера.

АН 65. Палей. Подруга убеждает героиню бежать с любимым. Поэт Мамуланар.

Удийял Черадиди — царь династии Чера, прославившийся своими богатством и щедростью.

АН 49. Кормилица говорит о героине, совершившей побег с любимым. Поэт Ваннашүрракандараттанар.

бобы-кэвьяны — молукские бобы, с которыми любил играть девушки. Игра в кажангы напоминает игру с подбрасыванием и ловлей камешков.

КТ 29. Палей. Мать героини думает о своей дочери, убежавшей из дому с любимым. Поэт Пуданар.

КТ 184. Палей. То же. Имя поэта неизвестно.

АН 86. Марудам. Герой, обращаясь к подруге, которая не решает ему встретиться с героиней, вспоминает день своей свадьбы. Поэт Наллавуэр Кижар.

В стихотворении описан древний тамильский свадебный обряд.

АН 56. Героиня рассказывает подруге о панаре, шедшем по поручению героя к гетере. В стихотворении содержится завуалированное сравнение героя с неразборчивым и приносящим беспокойство буйволом. Поэт Мадурей Арувей Ваннан Илаветтанар.

АН 174. Муллей. Герой, находящийся в военном стане, обращается к своему сердцу. Поэт Мадурай Алаккар Нйжалар Маханар Маладар.

В стихотворении упомянут обычай награждения воинов цветом лотоса, сделанным из золота.

АН 94. Муллей. Герой, завершив пребывание на чужбине, обращается к возничему. Поэт Нанбалур Сирумедавияр.

Идиллическая картина ландшафта района муллей, полного благости, как бы говорит о состоянии героини.

АН 81. Муллей. Герой, возвращаясь домой, обращается к возничему. Поэт Ахамбан Маладанар.

АН 224. Муллей. То же. Поэт Авур Мулангичжар Маханар Перунданнар.

АН 93. Палей. Герой, вдали от дома вспоминая о любимой, обращается к своему сердцу. Поэт Канаккьянар Маханар Наккиранар.

Стихотворение совершенно лишено элемента природного окружения, но в сравнении содержит образы, заимствованные из поэзии пурам, причем интересно, что панегрические ноты относятся ко всем трем знаменитым тамильским царствам.

Важуди — царь династии Пандья.

Карушур — порт в царстве Чера.

АН 184. Муллей. Подруга героини встречается вернувшегося домой героя. Поэт Мадурай Марудан Иланаканар.

КТ 270. Муллей. Герой, вернувшись домой, обращается к женой туче. Поэт Пандиян Панныду Тандан.

ТИРУМУРГАТТРУПАДЕЙ

Поэт Наккирар

[*Тируппаранундрам*]

Тируппаранундрам — гора близ Мадурай, издавна считавшаяся святыней и одним из мест обитания Муругана.

наваль — лучший из известных четырех сортов золота.
тилак — знак, наносимый краской на лоб для обозначения религиозной принадлежности или просто для красоты.

макара — мифическое чудовище, нечто среднее между рыбой и крокодилом.

Сур — демон, враг Муругана.

...*срузил дерево манго в цвету*... — Суратадма, предводитель асуров, мог превращаться в дерево манго.

...*кто был девятилет обличьем, притом что телом один* — тот же Суратадма обладал обликом человека.

...*вкусишь плоды предшествующих десятий* — упоминание о карме, сумме поступков человека в прошлом рождении, определяющей его настоящее.

...*тысяч длинный военный флаг, Кукла и мяч доскутный на воротах* — кукла и мяч, предметы женских игр, на воротах Мадурай вырезают презрение к врагам, указывают на их ничтожество, на то, что они не страшны пандийскому царю.

АН 16. Марудам. Героиня обращается со скрытым упреком к герою, возвращающемуся от гетеры. Поэт Сахаласанар.

АН 380. Марудам. Подруга героини, только что родившей сына и находящейся в состоянии нечистоты, обращается к паняру, пришедшему вместе с семейное счастье. Герой же в это время находится у гетеры. Поэт Кудалур Палькананар.

АН 116. Марудам. Подруга героини упрекает героя в неверности. Поэт Паранар.

Сержиян — Недунджежиян, царь династии Пандья.
два великих царя — цари Черы и Чолы, чья армия были разгромлены в битве при Аланганаме. См. примеч. к ПН 26.

АН 53. Палей. Героиня, догадываясь о скором уходе героя, отвещает на утешения подруги. Поэт Ситталейччаттанар.

АН 166. Палей. Герой успокаивает героиню, похуствовавшую его близкий уход. Имя поэта неизвестно.

АН 137. Палей. Герой, перед тем как покинуть дом, обращается к своему сердцу. Поэт Перунданнар.

АН 51. Палей. Речь героини в разлуке. Поэт Коллан Ажиси.

КТ 124. Палей. Подруга обращается к герою перед его уходом. Поэт Палейпалия Перунгалунго.

КТ 16. Палей. Героиня, обращаясь к подруге, жалуется на одиночество. Поэт Палейпалия Перунгалунго.

кальвары — племя, промышлявшее в диких местах грабежом.

АН 148. Палей. Подруга утешает героиню в разлуке. Поэт Каламбаладар.

АН 289. Муллей. Героиня в разлуке, видя приход сезона дождей, говорит подруге. Поэт Марунгур Паттинаттиччандан Кумара-

нар. АН 69. Муллей. Героиня в разлуке жалуется на свое одиночество. Поэт Сехамбунанар.

АН 97. Муллей. То же. Поэт Маранважуди (царь династии Пандьев).

АН 99. Муллей. Подруга утешает героиню, страдающую при виде прихода сезона дождей. Поэт Иландиренар.

КТ 108. Муллей. Героиня обращается к подруге, видя приход сезона дождей. Поэт Ваййлан Деван.

АН 238. Муллей. Героиня, страдающая в одиночестве, обращается к туче. Поэт Канлараттанар.

АН 248. Муллей. То же. Поэт Касипанкиранар.

АН 381. Муллей. Героиня, страдающая в разлуке с приходом сезона дождей, обращается к подруге.

В этом стихотворении, созданном Аувеняйр, имеется панегрическая нота, относящаяся к князю Недуману Аьджи (Адьяману), покровителю поэтессы.

АН 364. Муллей. То же. Поэт Мадурай Марудангичжар Маханар Перунданнар.

АН 4. Муллей. Подруга обращается к героине при наступлении сезона дождей. Поэт Курунгуди Маруданар.

АН 24. Муллей. Герой говорит, видя начало сезона дождей. Поэт Авур Мулангичжар.

...*брахманов, кто жертвы не приносит* — неарийские брахманы, выходцы из местного населения, не допускавшиеся к исполнению ведических обрядов; часто занимались каким-либо ремеслом.

[Тируччиралевай]

Тируччиралевай (или Тируччандур) — приморское селение в нынешнем округе Тируневелли.

...тех, чьи труды по своей Природе неуничтожимы... — имеются в виду достижения совершенства подвижника.

матри — заклинания, священные формулы, отрывки из ведических гимнов.

куравары — племя горных охотников, из которого происходила Вали, одна из двух жен Муругана.

...ведцев, которым дала Способность двигаться по воздуху... — речь идет о саддах, мудрецах, обладающих сверхъестественными способностями.

аькуи — специальный жезл с крючком для управления слонами.

...диск огромный... — чакра, металлическое оружие, характерный атрибут Вишну.

[Тируваивангуди]

Тируваивангуди — небольшое селение в горах Пажани.

Эта часть имеет в своей основе следующие мифологический эпизод: Муруган проклял Брахму, создателя всего сущего, так как Брахма сказал, что главное оружие Муругана, всепобеждающее копьё, также создано им. Брахма утратил свою силу создателя, мировой порядок был нарушен, и боги не могли выполнять своих функций, после чего все они отправились к Муругану просить его снять проклятие.

мичи — молчаливки, аскеты, подвижники.

гандхарвы — полубожественные персонажи древнеиндийской мифологии, небесные музыканты.

Изогнутокрылоу, пеструю, разящую сильных змей... Птицу на длинном знамени поднимающий бог — Вишну и его ездовая птица Гаруда.

Зная с белым быком множеством рук отклоняющий Вправо, Умой слепящий, немигающий третьим глазом, Три крепости сокрушивший, полный ярости бог — Шива; упомянут бык Нанди, его ездовое животное; три крепости — три града асуров, которые он уничтожил одной стрелой; Ума — одно из имен Парвати, его супруги. Тысячеокий... на шею слона... восседающий... — бог Индра и его ездовое животное, белый слон Айравата.

...храмами четырех величайших... — т. е. Брахмы, Шивы, Вишну и Индры.

...четырехлицкому, рожденному в лотосе... — Брахма часто изображается с четырьмя лицами, смотрящими на четыре стороны света.

Согласно мифам, Брахма родился в лотосе, выросшем из пупка Вишну.

Имеющему нескончаемые эпохи существования — «Один год жизни смертных... — это всего лишь день и ночь для богов. Двенадцать тысяч божественных лет, слагающихся из таких дней и ночей, — это один день жизни Брахмы, и в течение этого дня существует всееленная. Когда творец засыпает и наступает ночь Брахмы, всееленная гибнет. Ночь Брахмы длится столько же времени, сколько его день; когда она минует и настает новый день, Брахма творит всееленную

заново» (Мифы древней Индии. Литературное изложение В. Г. Эрмана и Э. Н. Темкина. М., 1975, с. 199).

С женичной беззрелого поведенья и чистоты... — имеется в виду Деваяней, или Девасена, другая жена Муругана, дочь Брахмы, персонаж севериндийской мифологии.

[Тируверагам]

Тируверагам — селение, находившееся, как полагают, недалеко от Кумбаконама в дельте Кавери.

В этой части утверждается приверженность Муругану ведических брахманов (жрецов).

...дважды три обязанности — произнесение Вед, обучение Ведам, совершение жертв, споспешествование принесению жертв, принесение даров, получение даров.

...сорок и восемь благодатных лет юности... — вероятно, имеются в виду жизненные стадии традиционного индуса: «стадия ученичества» и «стадия домохозяйина».

...трех огней трех разновидностей — подразумевается различное расположение огней во время ведического ритуала.

С трехрядным тонким индуром, из девяти нитей скрученным — специальный шнур, надеваемый на человека, обозначал его приобщение к сословию брахманов, «второе рождение». шестисловная мантра — заклинание «Нама Кумара» («Приветствие юному»).

[Шляски на каждом холме]

...люди лесные... — племена горных охотников, кураваров, среди которых был распространен культ Муругана.

[Пажамудирсолей]

Пажамудирсолей — роша в горах близ Мадурани.

В этой части описывается обряд жертвоприношения Муругану, совершаемый жрицей из племени кураваров. Далее, в заключении поэмы, развернута формула, характерная для «аггруппадей»: «Если придешь и восхвалишь, обретешь то-то и то-то».

В оверсе с дарбах-гравой в высоких горах — ссылка на древнеиндийский миф о рождении Сканды, с образом которого сливается образ Муругана. В кратком изложении этот миф, имеющий ряд вариантов, звучит так: Индра, царь богов, решает, что для укрепления силы небесного воинства нужен сильный молодой предводитель. Споспешествовать его появлению на свет должен был Шива. Семя Шивы упало в огонь, иначе говоря, его принял Агни, бог огня (в тексте поэмы «одни из пяти», т. е. один из пяти элементов природы, которыми являются: огонь, вода, земля, небо, эфир), и перенес его шестерым женам риши, ведических мудрецов. Эти шесть женщин и родили Сканду, бога войны, «в шести естествах», слившихся затем воедино.

бог, сидящий под баньяном — Шива.

СЛОВАРЬ РЕАЛИЙ РАСТИТЕЛЬНОГО МИРА В ДРЕВНЕТАМИЛЬСКОЙ ПОЭЗИИ

дочь темных гор — Парвати, супруга Шивы, которая считается матерью Сканды-Муругана, поскольку Шива — его отец.
Котравей — богиня победы древних тамилев.
Древняя («Паженьболь») — богиня лесов и растительности.
Наделенный победной мощью, гору рассекшей — демон Кравуньяджан (Кравуча) принял форму горы, чтобы помешать мудрецу Агастье двинуться на юг Индии.
труднодоступное искусство — букв. «труднодоступное свойство»; по словам комментатора, способность достичь мокши, освобождения от телесных уз.
Трудный для обретения дар... — мокша, прекращение цепи рождений.

А в а р е й — *Dolichos lablab*, бобовое растение, пышно цветущее белыми цветками, которые напоминают по форме клюв пугая.

А д у м б у — *Irotea rassarga*, ползучее растение с раздвоенными листьями и цветками в форме колокольчика.

А м б а л ь — *Nymphaea lotus*, одна из разновидностей водяной лилии. См. нейдадь.

А с о б к а — *Sagasa indica*, дерево с красными цветками.

А х и л — *Aquilaria agallocha*, орлиное дерево, древесина которого употреблялась для изготовления ароматических веществ.

В е н г е й — *Pterocarpus vibobus*, или *ptacurium*, дерево крылоплод с крупными золотистыми цветками. Время цветения венгея считалось благоприятным для разного рода начинаний — бракосочетания, выступления в поход и т. д.

В е т ч и — *Ixoga sossinea*, дерево с красными цветками.

В и л а — дерево *Fegonia elephantum*.

Г а я (кая) — *Mempesylon tinctogum*, карликовое дерево с купами мелких синих цветов, которые часто сравниваются поэтами с сапфиром или пятнами на хвосте павлина.

И а — дерево, растущее в пустынной местности, характерное для поэзии палей.

К а в а л ь (кавалей) — растение, клубни которого употребляются в пищу.

К а д а м б а — *Nausilea cadamba*, дерево с оранжевыми цветками. Связано с культом Муругана, которого часто называют «бог, обретающийся под кадамбой», «властитель кадамбы».

К а л л и — *Euphorbia tigucalli*, молочай, растение, характерное для пустынной местности.

К а н д а л ь (тондри) — *Glorigosa suregha*, малабарская горная лилия, растение с ароматными красными цветками, лепестки которых напоминают язычки пламени, отчего поэты часто называют кандадь светильником или огоньком в лесу. Характерен для

позний куриньджи и муллей. Существует и белоцветная разновидность кандала (кодаль).
К а н ъ д ж и — 1) *Trema pudiflora*, стрихниное дерево (?), растущее по берегам водоемов; 2) поэтическая тема поэзии гурам, мудрый совет правителю.

К о н ъ г у — Норае *parviflora*, дерево с крупными ароматными цветками, распускающимися в теплое время года (март — апрель).

Во время цветения листва дерева опадает.
К о н д р ѐ й — *Cassia fistula*, или *Cassia marginata*, дерево с длинными яркими желтыми соцветиями, напоминающими золотые подвески.

К у в а л ѐ й — *Nimphaea tubra*, красная водная лилия.

К у р и н ъ д ж и — 1) *Strobilanthes*, растение, встречающееся в горах и цветущее с перерывом от 4 до 12 лет (в зависимости от разновидности); 2) ландшафт, область гор и горных лесов; 3) поэтическая тема-тиней, в которой ситуативный элемент составляет добраячая любовь, частые встречи влюбленных, а природным элементом является район куриньджи.

М а р а л ь — *Sansevieria zeulanica*, дерево, наиболее часто употребляемое в поэзии палей.

М а р а м — *Shorea talura*, дерево сад, или пинал.

М а р г о з а (вембу) — *Azadirachta indica*, *pipit*, *paragoza*, дерево, цветущее ранней весной. Охранное дерево и эмблема царей династии Пандья.

М а р у д а м — 1) *Lagerstroemia feos-regina*, царское дерево; 2) ландшафт, район плодородных речных долин; 3) поэтическая тема-тиней, природным элементом которой является район марудам, а ситуативным — семейная размолвка.

М у л л ѐ й — 1) *Jasminum trichotomum*, или *zambac*, жасмин, кустарник с ползучими ветвями и множеством ярко-белых цветов, мгновенно раскрывающихся с приходом дождей; 2) ландшафт, составляющий природный фон (холмы, пастбища, леса) ситуативной муллей; 3) поэтическая тема-тиней, содержанием которой является целомудрие жены в разлуке с мужем. Цветы муллей — символ женской чистоты и добродетели в тамильской культурной традиции.

М у р у к к у — *Erythrina Judiga*, дерево с ярко-красными цветками.

М у с у н д ѐ й — растение с мелкими белыми цветками.

Н ѐ й д а л ь — 1) *Nimphaea lotus alba*, белая водная лилия; 2) ландшафт района морского побережья с песчаными дюнами и прибрежными рощами; 3) поэтическая тема-тиней, ситуативным элементом которой является страдание в разлуке, а природным — ландшафт нейдаль.

Н ѐ л л и — *Rhyphanthus emblica*, дикий индийский крыжовник.
Н о ч ч и — *Vitex trifolia*, *Vitex pedunculata*, целомудренник, дерево с фиолетовыми цветками.

П а л ѐ й — 1) *Wrightia tinctoria*, дерево, характерное для пустынных земель; 2) ландшафт, пустынная местность в период легкой жары; 3) поэтическая тема-тиней, разлука влюбленных в период легкой жары.

П а х а н д р ѐ й — *Tinospora cordifolia*, вьющееся растение с серебристыми цветками.

П и д а в а м (пидаву) — *Rapida malabarica*, дерево с белыми цветками.

П у н н ѐ й (пунгу) — *Salorphyllum inorphyllum*, дерево красолист с разветвленной кроной и ароматными белыми цветками. Охранное дерево Титтана, царя Чолы.

Т о н д р и — см. кандаль.

Ц а м п а к а — *Moscheila champasa*, большое дерево с ароматными цветками.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие. А. Дубянский	3
Поэзия пурам	19
Пуранануру	19
Мадураикканьджи	26
Поэзия ахам	46
Курунтохей. Аханануру. Наттриней	46
Поэзия гимнов	70
Тирумуругатгруппадей	70
Комментарий	79
Словарь реалий растительного мира в древне- тамильской поэзии	91

СТИХИ НА ПАЛЬМОВЫХ ЛИСТЬЯХ Классическая тамильская лирика

Редактор *Л. Ш. Рожанский*
 Младший редактор *Г. А. Бирова*
 Художник *Л. С. Эрман*
 Художественный редактор *Б. Л. Резников*
 Технический редактор *Г. Н. Никитина*
 Корректор *В. Н. Багрова*

ИБ № 13763

Сдано в набор 27.06.79. Подписано к печати 12.11.79. Формат 84×108¹/₁₆. Бумага типографская № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. п. л. 5,04. Уч.-изд. л. 5,51. Тираж 10 000 экз. Тип. зак. 444. Цена 45 коп.

Главная редакция восточной литературы
 издательства «Наука»
 Москва К-45, ул. Жданова, 12/1

3-я типография издательства «Наука»
 Москва Б-143, Открытое шоссе, 28

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ
ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИЗДАТЕЛЬСТВА «НАУКА»

Выйдут:

Комиссаров Д. С. О современном иранском литературоведении. 6 л.

Прожегина С. В. Магриб: франкоязычные писатели 60—70-х годов. 20 л.

Развитие литературы в независимых странах Африки (60—70-е годы XX в.): Сб. статей. 20 л.

Заказы на книги принимаются всеми магазинами книжоторгов и «Академнига», а также по адресу: 117192, Москва В-192, Мичуринский проспект, 12, магазин № 3 («Книга — почтой») «Академнига».